

ВВЕДИТЕ

Сначала ты ждешь Букеровскую премию двадцать лет, а потом получаешь сразу две. Сейчас мне предстоит сложная задача: пойти и написать третью часть. Я, конечно, не рассчитываю стоять на этой сцене снова, но рассматриваю премию как знак доверия.

Хилари Мантел
(из речи на Букеровской церемонии)

ОБВИ- НЯЕМЫХ

Хилари Мантел

— Лауреат THE MAN BOOKER PRIZE 2009 —

Вулфхолл

Хилари Мантел

Введите обвиняемых

«Азбука-Аттикус»

2012

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Мантел Х.

Введите обвиняемых / Х. Мантел — «Азбука-Аттикус»,
2012 — (Вулфхолл)

ISBN 978-5-389-18747-4

В новой редакции — продолжение «Вулфхолла», одного из самых знаменитых британских романов нового века, «лучшего Букеровского лауреата за много лет» (Scotsman). Более того, вторая книга также получила Букера — случай беспрецедентный за всю историю премии. А в марте 2020 года наконец вышел заключительный роман трилогии — «Зеркало и свет». Мантел «воссоздала самый важный период новой английской истории: величайший английский прозаик современности оживляет известнейшие эпизоды из прошлого Англии», говорил председатель Букеровского жюри сэр Питер Стотард. Ему вторит Маргарет Этвуд, также дважды лауреат Букера: Мантел «начинает с того места, на котором закончился „Вулфхолл“... литературная изобретательность ей не изменила; все так же метко и точно в каждом слове». Итак, Генрих VIII Тюдор начинает тяготиться Анной Болейн (второй из своих, как известно, шести жен), ради брака с которой произвел религиозную реформацию, сделав Англию независимой от папы римского. Однако Анна так и не принесла королю долгожданного наследника престола — и вот уже Генрих начинает поглядывать на одну из фрейлин Анны, Джейн Сеймур. Но избавиться от Анны и могущественного клана Болейнов не так-то просто — и в этом королю снова поможет государственный секретарь Томас Кромвель, виртуозный мастер подковерных интриг. Казалось бы, хорошо известно, чем кончится эта история, — однако роман Мантел читается увлекательнее любого детектива... В 2015 году телеканал Би-би-си экранизировал обе книги, главные роли исполнили Марк Райлэнс («Еще одна из рода Болейн», «Шпионский мост», «Дюнкерк»), Дэмиэн Льюис («Ромео и Джульетта», «Однажды в... Голливуде»), Клер Фой («Опочтарение», «Корона», «Человек на Луне»). Сериал, известный по-русски как «Волчий зал», был номинирован на премию «Золотой глобус» в трех категориях (выиграл в одной), на BAFTA

— в восьми (выиграл в трех) и на «Эмми» — тоже в восьми. Ранее роман публиковался под названием «Внесите тела».

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-18747-4

© Мантел Х., 2012

© Азбука-Аттикус, 2012

Содержание

Действующие лица	14
Часть первая	18
I	18
II	32
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Хилари Мантел

Введите обвиняемых

И вновь Мэри Робертсон с пожеланием всяческих благ

Hilary Mantel
BRING UP THE BODIES
Copyright © Hilary Mantel 2012
All rights reserved

© Е. М. Доброхотова-Майкова, перевод, 2014
© М. В. Клеветенко, перевод, 2014
© Е. М. Доброхотова-Майкова, примечания, 2020
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство ИНОСТРАНКА®

* * *

Противоречия и шероховатость – вот что придает ценность исторической прозе. Найти форму, а не навязать форму. И позволить читателю жить с неоднозначностью. Томас Кромвель – персонаж, для которого это особенно важно. Он почти что эталон неоднозначности. Есть Кромвель популярной истории и Кромвель академической науки, и это два разных человека. Мне удалось объединить два лагеря, и теперь подоспели новые биографии Кромвеля, от популярных до самых строгих и научных. Так что у нас будет непротиворечивый Кромвель... возможно.

Хилари Мантел

История казни Анны Болейн кровава, но Хилари Мантел – писательница, умеющая видеть сквозь кровь. Силой своей прозы она рисует моральную неоднозначность и реальную неопределенность политической жизни... Она воссоздала самый важный период новой английской истории: величайший английский прозаик современности оживляет известнейшие эпизоды из прошлого Англии.

Сэр Питер Стотард, председатель жюри Букеровской премии

Начинает с того места, на котором закончился «Вулфхолл»... литературная изобретательность Мантел не изменила; все так же метко и точно в каждом слове.

Маргарет Этвуд (Guardian)

Мантел вдохновенно говорит голосом Кромвеля. Когда она создает сцены и придумывает диалоги, она убедительнее любой исторической хроники.

Филиппа Грегори (Sunday Express)

Портрет Томаса Кромвеля, созданный блистательной и самобытной писательницей, не проверяет все каноны и вполне заслуженно получил Букеровскую премию.

Ф. Д. Джеймс (Sunday Telegraph: Books of the Year)

История Тюдоров, написанная мастерски и с большим знанием дела. Творение одного из лучших современных литераторов, этот грандиозный труд исследует психологию, политику и религиозное ханжество бурной эпохи Генриха VIII.

Кейт Мосс (The Times)

Настолько ново и неожиданно, что наши взгляды на историю и литературу уже никогда не будут прежними.

Том Холланд (Sunday Telegraph)

Удивительно, как Мантел воспроизводит язык и быт прошлого. Она перерывает исторические материалы и выкапывает мельчайшие, самые выразительные детали, воссоздающие прошлое как въявь. Диалоги настолько убедительны, что кажется, она в прежней жизни стенографировала разговоры в английских дворцах и тавернах.

Росс Кинг (Los Angeles Times)

Поистине завораживает. Написано виртуозно, с глубоким знанием эпохи; за счет богатейшей фактуры тюдоровский Лондон и окружение человека, идущего в гору, воссозданы с удивительным правдоподобием. Персонажи, как реальные, так и вымышленные, от ребячески упрямого короля до кардинальского шута, обретают жизнь и замечательно передают буйный дух эпохи.

К. Дж. Сэнсом (автор романа «Горбун лорда Кромвеля»)

Масштабное полотно с тончайшей проработкой деталей, композиция из множества персонажей, лапидарный стиль, создающий мощный эффект присутствия, остроумие, поэзия и богатство оттенков.

Сара Дюнан (автор «Рождения Венеры»)

Превосходная, великолепно выстроенная книга, от которой невозможно оторваться. Роман, буквально переносящий нас в тюдоровские времена, – и мы жадно ждем, что же будет дальше. Рождение английского мира; как это может не волновать?

Хелен Данмор (автор «Изменника»)

Хотя мы прекрасно знаем, чем все закончится, проза Мантел завораживает и волнует; история борьбы за власть разворачивается на наших глазах.

The Times: Books of the Year

Книга, от которой невозможно оторваться... Мантел пишет историческую прозу с такой разговорной живостью, что чувствуешь себя мухой на стене Кромвелева кабинета. Полный восторг от первой страницы до последней.

Mail on Sunday

Гений Мантел в том, что она пересказывает хорошо известную историю, залезая людям в голову, отыскивая тайные уголки мыслей, видя то, чего не видят другие. Я немного смущаюсь писать слово «гений», но...

Daily Mail

«Введите обвиняемых» не просто продолжение «Вулфхолла». Мантел совершает переворот в литературе.

Times Literary Supplement

Мантел продолжает строить осязаемый тюдоровский мир.

Guardian: Books of the Year

«Введите обвиняемых» настолько затягивает, что перестаешь замечать, как блистательно это написано.

Daily Telegraph: Books of the Year

Роман Мантел ничем не уступает «Крестному отцу»: те же эпичность, драматизм и напряжение.

Scotsman

Захватывающая история ярости и ужаса.

Independent on Sunday

Шедевр изящества и увлекательности.

Marie Claire

Проза Мантел великолепна... фактурная и в то же время простая, наполненная жизненной энергией. Для этих книг изобретен собственный язык: не тюдоровский, но интонациями воспроизводящий дух эпохи.

Canberra Times

Упоительно читать творение писательницы в расцвете сил, сплетенной в счастливых объятиях с музыкой. Мантел и Томас Кромвель созданы друг для друга.

Sydney Morning Herald

«Введите обвиняемых» не просто самая смелая книга Мантел, это ее лучшая книга; она вновь доказывает, что Мантел входит в число величайших ныне живущих романистов.

National Public Radio

Мрачно и величественно... Лучший исторический роман в современной литературе.

The Washington Post

Мантел знает, что выбрать, как сделать сцену живой, как вылепить персонажей. Она как будто не умеет отрешиться или обмануть... она инстинктивно хватается за реальность. Короче говоря, это писатель, наделенный тем, чему нельзя научить, – даром писать увлекательно.

The New Yorker

«Введите обвиняемых» – книга, которая решительно сметает с истории паутину, снимает потемневший глянец архаичных фраз и маскарадной сентиментальности исторических романов, так что прошлое предстает нам живым, свежим и непривычным.

The New York Times Book Review

Два года назад в мире престижных премий произошло неожиданное торжество справедливости: и Букер, и Национальная книжная премия в версии критиков за 2009 год достались кому следовало. Этой книгой стал «Вулфхолл» Хилари Мантел, на многие годы затмивший других соперников... Такой подвиг трудно повторить. Но продолжение оказалось столь же превосходным... Иронический финал не станет клифхэнгером для тех, кто хоть в общих чертах знает о кровавом следе Генриха VIII. Однако в романе «Введите обвиняемых» это работает как клифхэнгер. Мантел пересказывает события так мастерски, что они вновь становятся свежими и устрашающими.

The New York Times

В 2009 году Хилари Мантел произвела фурор своим захватывающим романом «Вулфхолл», получившим Букеровскую премию... Второй роман запланированной трилогии, «Введите обвиняемых», показывает достойные мыльной оперы интриги Кромвеля и его подручных, чья цель – сгубить могущественную Анну Болейн. Кто бы думал, что история может быть настолько завлекательной?

Vanity Fair

То, что зовется трилогией «Вулфхолла», – удивительный труд, рождающийся на наших глазах. Прошлое кажется близким и – что лучше всего – непредсказуемым. Даже если вы знаете историю, вы будете глотать страницу за страницей, торопясь узнать, что же случится дальше.

People

Теперь, когда этот литературный подвиг совершен во второй раз, мы видим, что самый умный вовсе не Кромвель; самая умная – Мантел.

The Huffington Post

Поклонники «Вулфхолла» обрадуются этой книге, но «Введите обвиняемых» – вполне самостоятельный роман... Персонажи – реальные и живые люди, носители противоборствующих идей своего времени. Мантел делает прошлое живым и насущным.

The Economist

«Введите обвиняемых» – книга исключительная и самобытная... как и талант Мантел.

Los Angeles Times

В руках Мантел сомнительные интриги, которыми Кромвель приводил Анну Болейн на плаху, увлекательнее любого триллера.

Entertainment Weekly

Остроумием, смелостью и поразительной широтой исторического знания Мантел вдохнула новую жизнь в избранную ею область.

Bookslut

Просто исключительно... Завидую тем, кто еще этого не читал.

Daily Mail

Новый уровень. История ближайшего советника Генриха VIII – лучшая историческая проза, какую мне случалось читать. Потрясающее достижение.

Sunday Telegraph

Блистательно в каждом слове... выше всяких похвал.

Spectator

«Вулфхолл» был шедевром, но продолжение еще лаконичней, еще блистательней, еще сильнее пугает и потрясает.

The Times

Не думайте, что можете взяться за эту книгу когда угодно – планируйте загодя, потому что оторваться от нее невозможно, и, пока не дочитаете, вы толком не сможете даже спать.

Country Life

Это великий роман о темных и грязных страстях, личных и общественных. Это также исследование того, что нас по-прежнему ужасает. Поистине великая книга.

Financial Times

Увлекательный пересказ знакомой истории в непривычном ракурсе – мы проживаем драму пятивековой давности как современную и животрепещущую.

The Times

Букеровское жюри приняло совершенно правильное решение. Мантел – изумительный писатель, тонкий стилист, соединяющий абсолютную точность с захватывающей глубиной погружения, и одновременно тонкий наблюдатель человеческой натуры.

New Statesman: Books of the Year

Лучший букеровский лауреат за много лет. Насыщенная атмосфера, смелый повествовательный стиль, безусловный шедевр.

Scotsman: Books of the Year

Соединяя современное понимание зла с иронией, Мантел переносит нас прямиком в разум человека XVI столетия.

The Economist: Books of the Year

Ее Кромвель человечен и правдоподобен, а воссозданный ею двор Генриха VIII пугающе убедителен.

Scotsman: Books of the Year

Смело и захватывающе.

Financial Times: Books of the Year

Блестяще... Тюдоровская Англия Мантел – это сочащееся кровью мясо, кишки и грязь. Мантел заставляет нас задумываться о том, что мы якобы знаем. Есть историческая правда, а есть правда творческая. Мантел, которая в этой книге превзошла себя, чтит и ту и другую.

Spectator

Ошеломляюще прекрасно. Увлекательное повествование о борьбе за власть и политических махинациях и в то же время дивно поэтическое, полное ярких образов и фраз. Утонченное волшебство.

Daily Mail

Мантел создает мир настолько конкретный, что чувствуешь запах мокрого шерстяного плаща и колкие стебли тростника под ногами. Мы жадно ждем продолжения...

Daily Telegraph

Хилари Мантел не только безгранично талантлива, но и безгранично смела.

Observer

Мантел прекраснее всего в мрачных мелочах. Ощущение зла здесь густое, как дым от сожженной человеческой плоти, и от него перехватывает дыхание. Вот на что изредка способно слово в высшем своем проявлении.

Financial Times

Великолепно... Никогда еще не было такого сильного фаворита на Букер; не зря говорят, что Мантел наполнила само понятие исторического романа совершенно новым смыслом. В прозе Мантел есть безусловная уверенность Мюриель Спарк, и у читателя не возникает вопросов, откуда она столько знает про те времена, как не возникает сомнений и в ее оценке событий.

Evening Standard

Согласны мы с тем, как госпожа Мантел трактует историю, или нет, ее персонажи обладают собственной жизненной силой, шекспировской мощью. Стилистически ее подход «незримого наблюдателя» достигается через настоящее время, которым она владеет блестяще. Ее проза насыщена и энергична. Диалоги не рядятся в тюдоровскую мишуру, а написаны современным языком.

The Economist

Роман, написанный изящно и свежо: великолепный портрет общества в эпоху пугающих перемен, а в центре этого портрета – Томас Кромвель, могущественный советник Генриха. Неудивительно, что эта книга получила Букеровскую премию. Проза Мантел – на удивление упругая и точная.

The Washington Post

Мантел интересуют вопросы добра и зла в применении к людям, наделенным огромной властью. Отсюда ненависть, ликование, сделки, шпионы, казни и роскошные наряды... Она всегда стремится к цвету, богатству, музыке. Она внимательно читала Шекспира, но слышны и отзвуки молодого Джеймса Джойса.

The New Yorker

Мантел не просто приближает прошлое, а одним махом переносит нас туда своей искусной и мрачной прозой. Мы – путешественники во времени, очутившиеся в чужом мире... Интриги и переживания далекой эпохи превращают книгу в долгое изысканное удовольствие.

The Boston Globe

Шедевр исторической литературы... олицетворяет то, что в последнее время казалось таким же мифическим, как принцессы-змеи: великий английский роман.

Bloomberg News

Мантел исследует темные течения политики XVI века и создает на удивление современного персонажа и конфликты.

The Christian Science Monitor

История Кромвеля оживает в динамичной и умной прозе госпожи Мантел... Мантел берет традиционный исторический костяк и наращивает на него фантазмагорическое разнообразие трудов и тактик, успехов и уловок своих героев.

Washington Times

Не бывает новых историй, есть только новые способы их рассказать. Мантел как писатель дерзновенна не меньше Анны Болейн; она сочиняет личные разговоры известных людей, и они читаются так, будто она их подслушала.

People Magazine

Любители исторической прозы – и великой литературы – должны визжать от восторга.

USA Today

Это тугое сплетение интриг, а исторические фигуры кажутся как никогда живыми и человечными!

Miami Herald

Искусно сплетая историю и вымысел, Мантел рисует грандиозную картину тюдоровской Англии. Блестяще выстроенный сюжет и захватывающие диалоги...

St. Louis Post-Dispatch

На сцене истории выступает монарх, но кто-то должен за кулисами управлять всем балаганом. Для Генриха VIII этим человеком был Томас Кромвель, по крайней мере часть его царствования. У Генриха был свой способ избавляться от надоевших приближенных – топор, – и многие его советники сложили головы на плахе. Кромвель (очень дальний родственник Оливера Кромвеля, который тоже многих казнил) эффективно привел в исполнение грандиозный

королевский проект по отделению церкви от Рима, но в конце концов навлек на себя гнев раздражительного Генриха (того самого, у которого было столько жен!) и был казнен. Большинство американцев простительно путают Кромвелей, но англичане знают, что это два разных человека. Томаса обычно изображают хитрым, безжалостным негодяем, который уничтожал монастыри и преследовал реальных и мнимых врагов короля, мешавших тому подмять под себя Католическую церковь в Англии. Все это происходило в XVI веке, когда Англию раздирали религиозные споры, а король все не мог дожидаться наследника. Генрих был женат на Екатерине Арагонской, испанке, вдове его старшего брата, и та никак не могла родить сына. У нее была только дочь, Мария, которая позже наделала столько бед. С помощью Кромвеля Генрих променял Екатерину на более молодую и теоретически более плодотворную Анну Болейн. Хотя вся история больше отдает коневодством, любители королевских особ ею упиваются. Она романтизирована и мифологизирована, и часто человеческое измерение заслоняет все остальное. Хилари Мантел блистательно восстановила историческое измерение... Погрузившись в ее прозу, вы окажетесь в мире Кромвеля и увидите его с той полнотой, какую дает только литература.

Pittsburgh Post-Gazette

В отличие от аристократов, для которых простонародье – почти инопланетная раса, Кромвель помнит жизнь простых людей и насущные нужды страны: дороги, лучшее питание, даже карты... Мантел пишет ясно и без лишних ухищрений; она воссоздает эпоху, не прибегая к архаичной речи. Огромная подготовительная работа нигде не выпирает на поверхность, но мелкие подробности рисуют осязаемую картину. Действие в значительной мере состоит из диалогов, ведь для Кромвеля слова – хлеб насущный...

Portsmouth Herald

Можно с уверенностью сказать, что романы обращаются к периоду кардинального социокультурного прорыва. Томас Кромвель, по Х. Мантел, не только персонаж истории Англии, во многом определивший этот «дрейф» страны в сторону нового мироустройства, но и личность, которая, по сути, являла собою образ новой страны, нового мышления, отношения к людям, законам, правилам и нормам бытия.

История в представлении Мантел не только политика, политические события и политические фигуры, но нечто более объемное, глубокое, одновременно более сущностное и обобщенное. Мантел понимает, что с точки зрения реконструкции истории важно все ее «тело». Наверное, поэтому в романах так много того, что называется «реалии», артефакты, физическая субстанция прошлого в ее телесности и осязаемости. Именно при их помощи скорее всего и легче всего реконструируется прошлое.

Борис Проскурнин (Филологический класс)

Читается этот политический экшн, скажем прямо, не всегда легко (а кто сказал, что заниматься интригами в Англии XVI века легко?), но очарование живого, трепещущего исторического действия того стоит. Да и харизма самого Томаса Кромвеля тоже – не обаяние зла, не обаяние наглого выскочки, но почти магические флюиды универсального ренессансного человека-который-кажется-знает-и-умеет-все... хотя, надо признаться, есть в мантеловском Кромвеле и что-то такое от крутых опасных парней из американского кино. В любом случае у Хилари Мантел получилось создать персонаж, в который можно влюбиться, – а это, согласитесь, один из лучших способов выучить историю.

Мария Мельникова (Книжное обозрение)

Чем на этой поляне, вытопанной до залысин десятками писателей и сотнями историков, можно еще удивить? Оказалось, главным героем. Мантел выбрала Томаса Кромвеля, нежно

полюбила, переименовала его давно сложившийся демонический образ и не прогадала. Если иные утверждают – льстил и манипулировал, автор отвечает: был внимателен и умел убеждать. И не жадный, а хозяйственный. Не хитрый, а рациональный. Не мстительный, а последовательный. Не выскочка, а *self-made man*.

Чтобы упрочить свидетельскую правдивость героя, автор плотно набивает тексты подлинными вещами. Когда упоминает латинское издание «Государя» Макиавелли, золоченую звезду для новогоднего дерева, подаренный архиепископом перстень, резные шахматы – не сомневайтесь: существование этих предметов документально подтверждено.

Остальное – кривотолки: главная движущая сила сюжетов. Все интригует против всех, о важнейших событиях узнают по сплетням, власть зиждется на заговорах, государственные решения зависят от придворных фейков. Мантел мастерски передает атмосферу словесной вакханалии – романная действительность соткана ею из диалогов. Отточенных, как меч казнившего Анну палача. Энергичных, как алчущие выгоды аристократы. Раскрывающих замыслы собеседников «от» и «до». И предельно информативных. Как те слухи, коими полнятся обе книги.

Big Kyiv

Мантел не предлагает никаких постмодернистских ребусов «переведи то время в наше», как это было, например, в «Имени Розы» Умберто Эко. И точно так же нет в ее книгах политической назидательности, ради которой пишут такие тексты многие современные романисты (из соотечественников, например, Дмитрий Быков и Леонид Юзефович), у которых прошлое – всего лишь метафора нашего времени, а знаменитые «мертвецы» оказываются всего лишь удобными трансляторами авторских мыслей о современном. Мантел же совсем не интересуется совпадением теперешней картинке с трафаретом прошлого. Вообще, если ее что-нибудь интересует, помимо собственно фигуры ее главного героя, – так это то, что называется «судом истории», и его справедливость.

При жизни Томас Кромвель практически официально был «самым ненавидимым человеком в Англии». Жесткость, с которой он закрывал монастыри и подавлял восстания монахов, угнетала даже короля, в пользу которого это все и делалось. При этом Кромвель, как оно часто и бывает, был умным государственным и прекрасным администратором.

«Не мертвые преследуют живых, а живые – мертвых. Кости и черепа вытряхивают из саванов, в лязгающие челюсти, как камни, бросают слова. Мы исправляем книги, оставшиеся от покойников, переписываем их жизнь». Если Хилари Мантел и стоило давать беспрецедентных «Букеров» – подряд за первую и вторую часть ее трилогии, – то за это высказывание. За признание своего (то есть писательского вообще) произвола, позволяющего делать давние жизни и смерти козырями в своей игре.

Анна Наринская (Коммерсантъ)

Сначала ты ждешь Букеровскую премию двадцать лет, а потом получаешь сразу две. Сейчас мне предстоит сложная задача: пойти и написать третью часть. Я, конечно, не рассчитываю стоять на этой сцене снова, но рассматриваю премию как знак доверия.

Хилари Мантел

(из речи на Букеровской церемонии)

Действующие лица

Дом Кромвеля

Томас Кромвель, сын кузнеца, ныне государственный секретарь, начальник судебных архивов, почетный ректор Кембриджского университета, викарий короля по делам англиканской церкви.

Грегори Кромвель, его сын.

Ричард Кромвель, его племянник.

Рейф Сэдлер, его старший письмоводитель, которого Кромвель воспитал как сына.

Хелен, красавица-жена Рейфа.

Томас Авери, его домашний счетовод.

Терстон, его главный повар.

Кристоф, слуга.

Дик Персер, псарь.

Антони, шут.

Покойники

Томас Вулси, кардинал, папский легат, лорд-канцлер; смещен с должности, взят под стражу и скончался в 1530 г.

Джон Фишер, епископ Рочестерский, казнен в 1535 г.

Томас Мор, лорд-канцлер, сменивший на этом посту Вулси, казнен в 1535 г.

Элизабет, Энн и Грейс Кромвель, жена и дочери Томаса Кромвеля, умершие в 1527–1528 гг., Кэтрин Уильямс и Элизабет Уэллифед, его сестры.

Семья короля

Генрих VIII.

Анна Болейн, его вторая жена.

Елизавета, малолетняя дочь Анны, наследница престола.

Генри Фицрой, герцог Ричмондский, незаконный сын короля.

Другая семья короля

Екатерина Арагонская, разведенная первая жена Генриха, живет под домашним арестом в Кимболтоне.

Мария, дочь Генриха от Екатерины, возможная наследница престола, также содержится под домашним арестом.

Мария де Салинас, бывшая фрейлина Екатерины Арагонской.

Сэр Эдмунд Бедингфилд, дворянин, приставленный надзирать за Екатериной.

Грейс, его жена.

Семейства Говардов и Болейнов

Томас Говард, герцог Норфолкский, дядя королевы, старший из пэров Англии, яростный ненавистник Кромвеля.

Генри Говард, граф Суррейский, его младший сын.

Томас Болейн, граф Уилтширский, отец королевы, «монсеньор».

Джордж Болейн, лорд Рочфорд, брат королевы.

Джейн, леди Рочфорд, жена Джорджа.

Мэри Шелтон, двоюродная сестра королевы.

И за сценой: Мария Болейн, сестра королевы; сейчас она замужем и живет в провинции, но прежде была любовницей короля.

Семейство Сеймуrow в Вулфхолле

Старый сэр Джон, опозоривший себя связью с невесткой.

Леди Марджери, его жена.

Эдвард Сеймур, его старший сын.

Томас Сеймур, его младший сын.

Джейн Сеймур, его дочь, фрейлина обеих королей Генриха.

Бесс Сеймур, ее сестра; жена, затем вдова сэра Антони Отреда, губернатора острова Джерси.

Придворные

Чарльз Брэндон, герцог Суффолкский, муж покойной сестры Генриха VIII Марии, пэр Англии, наделенный ограниченным умом.

Томас Уайетт, джентльмен, наделенный безграничным умом, друг Кромвеля, по уверениям молвы – любовник Анны Болейн.

Гарри Перси, граф Нортумберлендский, больной и запутавшийся в долгах молодой джентльмен; был некогда обручен с Анной.

Фрэнсис Брайан по прозвищу Наместник Сатаны, связанный родством и с Болейнами, и с Сеймурами.

Николас Кэрю, шталмейстер, враг Болейнов.

Уильям Фицуильям, казначей, также враг Болейнов.

Генри Норрис по прозвищу Добрый Норрис, главный из джентльменов, состоящих при короле.

Фрэнсис Уэстон, дерзкий молодой джентльмен.

Уильям Бертон, вздорный пожилой джентльмен.

Марк Смитон, подозрительно хорошо одетый музыкант.

Элизабет, леди Вустер, фрейлина Анны Болейн.

Ганс Гольбейн, живописец.

Церковники

Томас Кранмер, архиепископ Кентерберийский, друг Кромвеля.

Стивен Гардинер, епископ Винчестерский, враг Кромвеля.

Ричард Сэмпсон, поверенный короля в матримониальных делах.

Государственные чиновники

Томас Ризли, прозванный Зовите-меня-Ризли, хранитель личной королевской печати.

Ричард Рич, генеральный атторней.

Томас Одли, лорд-канцлер.

Послы

Эсташ Шапюи, посол императора Карла V.

Жан де Дентвиль, посол Франциска I.

Реформаты

Хемфри Монмаут, богатый купец, друг Кромвеля, сочувствующий евангелистам, покровитель Уильяма Тиндейла, переводчика, сейчас находящегося в тюрьме в Нидерландах.

Роберт Пакингтон, купец, придерживающийся сходных взглядов.

Стивен Воэн, антверпенский купец, друг и агент Кромвеля.

«Старые» семейства, претендующие на трон

Маргарет Поль, племянница Эдуарда IV, сторонница Екатерины Арагонской и принцессы Марии.

Генри, лорд Монтегю, ее сын.

Генри Куртенэ, маркиз Эксетерский.

Гертруда, его честолюбивая жена.

В Лондонском Тауэре

Сэр Уильям Кингстон, комендант.

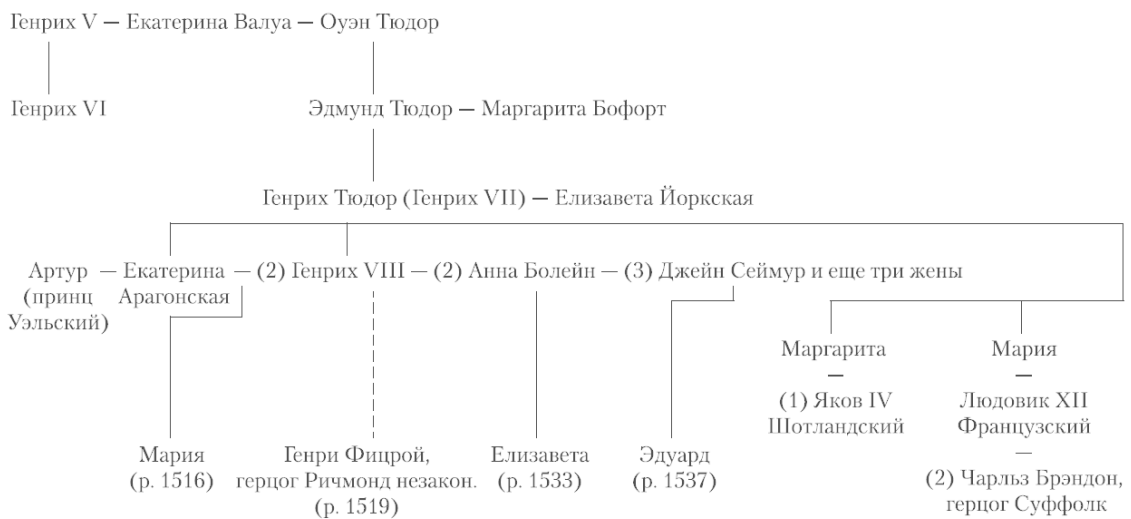
Леди Кингстон, его жена.

Эдмунд Уолсингем, его заместитель.

Леди Шелтон, тетка Анны Болейн.

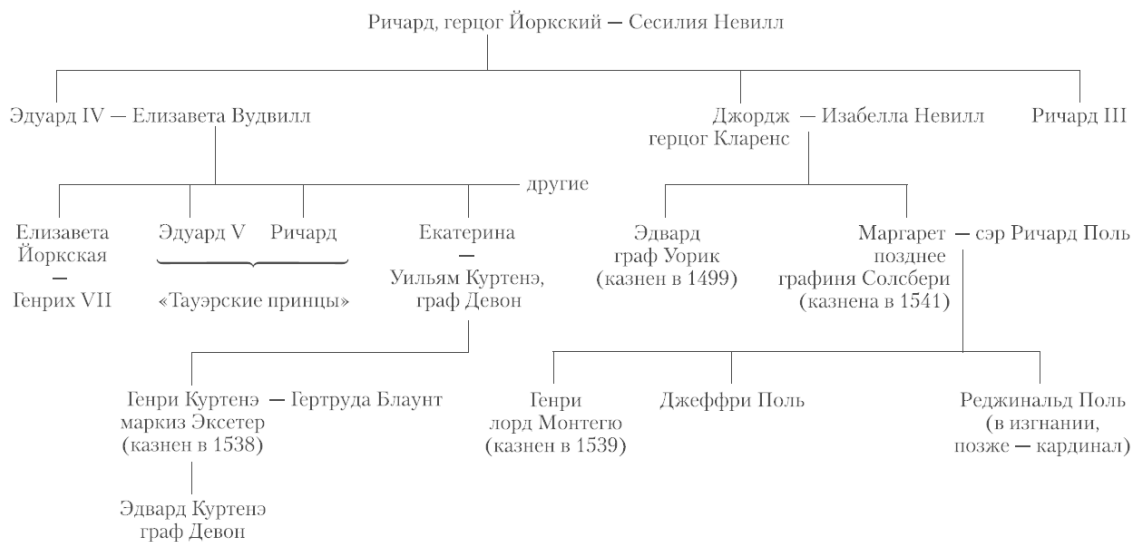
Палач-француз.

Тюдоры (упрощенная схема)

*Генрих Тюдор (Генрих VII) претендовал на трон на том основании, что его мать, Маргарита Бофорт, была праправнучкой Эдуарда III.
Брак Генриха Тюдора и Елизаветы Йоркской соединил семейства Тюдоров и Йорков.*

Соперники Генриха VIII из семейства Йорков

**«Чем я хуже других мужчин? Чем? Скажите, чем?»
Генрих VIII — Эсташу Шапюю, послу Священной Римской империи**

Часть первая

I Соколы

Уилтшир, сентябрь 1535 г.

Его дети падают с неба. Он наблюдает, сидя на лошади, за ним – акры и акры английской земли. Падают камнем, златокрылые, глаза их налиты кровью. Грейс Кромвель зависла в воздухе. Бесшумно она настигает жертву, бесшумно возвращается к нему на руку. Однако звуки, с которыми она устраивается на перчатке, – шорох и скрип оперения, тихий горловой клекот – все это звуки узнавания, домашние, дочерние, почти привередливые. Грудка у нее забрызгана кровью, на когтях – клоки мяса.

Позже Генрих скажет: «Сегодня ваши девочки летали отлично». Сокол Энн Кромвель на перчатке у Рейфа Сэдлера покачивается в такт конскому шагу. Рейф и король едут рядом, непринужденно беседуя. Все устали; солнце клонится к закату, они, отпустив поводья, возвращаются в Вулфхолл. Завтра в небо взмоют его жена и сестры. Женщины, чьи кости гниют в лондонском суглинке, обрели новое тело. Невесомые, они плывут в воздушных потоках. Им неведома жалость. Неведом долг. Их жизнь проста. Глядя вниз, они видят только добычу да заемные плюмажи охотников, видят трепетный порхающий мир – мир, полный еды.

Все лето было таким – вакханалия крови, летящие пух и перья, собачий лай; лошадям – скребницы и щетки, джентльменам – примочки и мази на ушибы, потертости, растяжения. И, пусть всего несколько дней, Генрих купался в солнце. Иногда, ближе к вечеру, с запада налетали тучи, и большие благоуханные капли касались разгоряченных лиц, однако солнце тут же проглядывало вновь и начинало палить нещадно. А сейчас небо такое ясное, что можно подглядывать за святыми в раю.

Они бросают поводья конюхам и спешиваются. Его мысли уже в бумагах – в депешах, доставленных из Уайтхолла курьерской почтой; куда бы ни переехал двор, она работает исправно, по всему пути из Лондона учреждены подставы. За ужином с Сеймурами он вытерпит все, о чем будут вещать хозяева, все, что придет на ум королю, счастливому, взъерошенному, добродушному, как сейчас. Когда король удалится спать, наступит его рабочая ночь.

Вечереет, но Генрих не торопится заходить в дом: стоит, смотрит по сторонам, вбирает ноздрями запах конского пота; лоб обгорел на солнце. В начале дня король потерял шляпу и не пожелал взять взамен чужую, так что и другим охотникам пришлось обнажить голову. В сумерках слуги будут рыскать по лесам и полям, высматривать колыхание черного плюмажа в темнеющей траве, золотой блеск охотничьей кокарды: святого Губерта с глазами-сапфирами.

Осень уже в воздухе, чувствуется, что таких деньков осталось наперечет. Постоим же среди мельтешения вулфхоллских грумов (рука короля лежит у него на плече), постоим, глядя на земли западных графств в синей вечерней дымке. Король вспоминает прошедший день, и в разговоре время бежит вспять: мимо рощ и ручьев к ольшанику у реки, к утреннему туману, который растаял в девять, к недолгому ливню, к душному полуденному зною.

– А вы ничуть не обгорели, сэр! – удивляется Рейф Сэдлер.

Рейф, рыжий, как и король, сейчас весь малиновый в бурую крапинку веснушек, даже глаза как будто покраснели.

Он, Томас Кромвель, пожимает плечами и, приобняв Рейфа, вслед за Генрихом входит в дом. Он прошел всю Италию – не только полумрак банковских домов, но и поля сражений, – не утратив лондонской бледности; даже в детстве, гоняя дни напролет с разбойной ватагой мальчишек, сохранял младенческую белизну.

– У Кромвеля лилейная кожа, – объявляет король, – и в этом его единственное сходство с каким бы то ни было цветком.

Подтрунивая над ним, они направляются к столу.

Король уехал из Лондона в ту неделю, когда казнили Томаса Мора. Стоял холодный дождливый июль, лошади месили копытами мокрую грязь. Кое-как добрались до Виндзора, оттуда дали круг по западным графствам. Помощники Кромвеля, завершив дела в окрестностях Лондона, нагнали королевский поезд во второй половине августа. Король и его спутники спали здоровым сном в новых домах розового кирпича, в старых домах за руинами укреплений, разрушенных временем и людьми, в сказочных замках-игрушках, построенных без мысли об обороне: их стены пушечное ядро пройдет как бумагу. Англия уже пятьдесят лет не знает междоусобной войны. Это тюдоровский завет – обетование мира. Каждый хозяин имения желает угодить королю. За последние недели мы навидались непросохшей лепнины, лихорадочной работы по камню: все спешат добавить к своим эмблемам розу Тюдоров, истребить любые следы Екатерины, бывшей королевы. Сбивают молотками арагонские гранаты, тесно прижатые косточки между двумя половинками лопнувшей кожурой, на их месте, если нет времени на новую резьбу, грубо малюют соколов Анны Болейн.

Ганс присоединился к королевскому кортежу и нарисовал Анну-королеву, но та осталась недовольна наброском – ей теперь ничем не потрафишь. Нарисовал Рейфа Сэдлера с аккуратной бородкой и твердым ртом, в нелепой модной шапчонке на коротко остриженных волосах – она сидит набекрень и как будто вот-вот свалится.

– Сделайте мне нос попрямее, мастер Гольбейн, – просит Рейф, а Ганс отвечает: «Да где ж мне выправлять носы, мастер Сэдлер, я разве врач?»

– Рейф сломал нос мальчонкой, упражняясь в турнирном искусстве. Я еле выхватил его из-под лошадиных копыт. Ну и слез тогда было! – Он стискивает юноше плечо. – Не горюй, Рейф, по-моему, ты вышел красавцем. Вспомни, что Ганс сделал со мной!

Томасу Кромвелю сейчас лет пятьдесят. У него тело работника, кряжистое, ладное, полнеющее. В черных волосах пробивается седина; из-за белой кожи, которую не берет загар, врут, будто его отец был ирландец, хотя на самом деле Уолтер Кромвель был кузнец и пивовар в Патни, а еще стригаль, шаромыжник, в каждой бочке затычка, буян и задира, пьяница и дебошир, которого постоянно таскали к мировому судье за то, что он кого-то отдубасил, кого-то надул. Как сын такого человека добился нынешнего влияния – загадка для всей Европы. Одни говорят, он возвысился вместе с Болейнами, родственниками королевы. Другие – что Кромвель всем обязан своему покровителю, покойному кардиналу Вулси, у которого был доверенным лицом. Третьи уверяют, что он знается с чернокнижниками. Юность его прошла на чужбине, он был наемным солдатом, торговцем, банкиром. Никто не знает, где Кромвель побывал и с кем водил знакомство, а тот не спешит рассказывать. Он не щадит сил на королевской службе, знает себе цену и не упустит вознаграждения, будь то должности, привилегии, земли, усадьбы или дома. У него найдется подход к любому, целый арсенал средств: лесть и угрозы, подкуп и убеждение. Людям можно объяснить, в чем их истинный интерес, раскрыть глаза на такое, чего они о себе не знают. Всякий день королевский секретарь ведет дела с вельможами, которые, будь их воля, прихлопнули бы его как муху. Зная это, он неизменно учтив, неизменно спокоен, неизменно усерден в делах Англии. Не в его обычае обсуждать свои достижения, но, когда бы удача ни посетила его жилище, он всегда начеку и готов распахнуть дверь на первый же робкий стук.

В его лондонском доме портрет глядит со стены, темные замыслы упрятаны под сукном и мехом, рука сомкнулась на документе, как будто душит. Ганс тогда задвинул его столом, чтобы не сбежал, и предупредил: Томас, чур, не смеяться. Так и проходили сеансы: Ганс работал, мурлыча себе под нос, он яростно смотрел в пустоту. Увидев готовый портрет, он сказал: «Боже, я похож на убийцу», а его сын Грегори удивился: «Ты разве не знал?» Сейчас снимают копии – для друзей и для приверженцев из числа немецких евангелистов. Оригинал он не отдаст даже на время – привык я к нему, мол, – так что теперь, входя в дом, видит себя на разных стадиях становления: общие контуры, кое-где – подмалевок. С чего начинать Кромвеля? Одни начинают с маленьких пристальных глаз, другие – с шапочки. Третьи, избегая важного, пишут его печати и ножницы, четвертые выбирают кольцо с бирюзой, подарок кардинала. С чего бы они ни начали, общий итог один: если вы этому человеку досадили, лучше не встречаться с ним в темном переулке. Его отец Уолтер говаривал: «На моего Томаса косо не глянь – глаз выбьет. Подставишь ему ногу – останешься без ноги. А если его не злить, он форменный джентльмен. И стаканчиком завсегда угостит».

Ганс рисовал короля, благодушного, в летних шелках, за ужином: окна распахнуты вечерним ароматам и птичьим трелям, слуги вносят свечи и засахаренные фрукты. На каждом этапе пути Генрих останавливался в самом большом имении, и Анна-королева с ним, свита находила кров у местных дворян. По обычаю хозяева большого поместья хотя бы раз устраивают праздник для всех приютивших у себя свиту. Это дорого и хлопотно. Он считал телеги с провизией, видел переполох на кухнях, сам вставал в серо-зеленый предрассветный час, когда печи вычищают, готовясь убрать в них первую партию хлебов, туши насаживают на вертела, котлы вешают на треноги, птицу ощипывают и разделывают. Его дядя служил поваром в резиденции архиепископа, мальчишкой он помогал в кухне Ламбетского дворца, о тонкостях ремесла знает не понаслышке. Когда речь об удобствах короля, за всем нужен глаз.

Эти дни превосходны. Каждая ягодка в колючей изгороди озарена и мерцает по краям. Каждый лист на дереве; солнце за ветвями висит золотым персиком. Мы спускались в зеленые урочища и въезжали на холмы, где в воздухе даже за два графства ощущается тревожная близость моря. В этих краях от наших предков-великанов остались земляные валы, рвы, вкопанные стоячие камни. В жилах каждого из нас, каждого англичанина и англичанки, есть капля их крови. В те давние времена, на земле, не тронутой овцами и плугом, они охотились на лося и дикого кабана. Лес тянулся на долгие дни пути. Иногда здесь откапывают орудия: двуручные топоры, одним ударом рассекавшие коня и всадника. Думай о мертвых исполинах, что ворочаются в этой земле. Имя им – война, и они ждут своего часа. Не только о прошлом ты думаешь, скача на запад в самый разгар лета, но и о том, что спит под травой, что зреет. Грядущие войны, скорби и смерть – все их, как семена, бережно хранит английская почва. Глядя, как Генрих смеется, как молится, как скачет в окружении свиты лесной дорогой, недолго решить, что на троне тот сидит так же крепко, как и в седле. Видимость обманчива. По ночам король не может уснуть, смотрит на резные стропила, считает свои дни. Спрашивает: «Кромвель, Кромвель, что мне делать?» Кромвель, спаси меня от императора. Кромвель, спаси меня от папы. Потом зовет своего архиепископа Кентерберийского, Томаса Кранмера, и вопрошает: «Проклята ли моя душа?»

В Лондоне императорский посол Эшташ Шапюи каждый день ждет вестей, что английский народ взбунтовался против короля-самодура, спит и видит, как это произошло, не жалеет ни денег, ни сил, чтоб мечта претворилась в явь. Император Карл владеет Испанией, Нидерландами и заморскими колониями; Карл богат и по временам злится, что Генрих Тюдор променял его тетку Екатерину на Анну, которую в народе зовут пучеглазой шлюхой. Шапюи призывает императора вторгнуться в Англию, поддержать английских бунтовщиков, смутьянов и самозванцев, захватить безбожный остров, где король парламентским биллем развелся с женой и объявил себя Богом. Папе не по душе, что в Англии его высмеивают, называют «епископом

Римским», что церковные доходы идут не ему, а Генриху. Булла об отлучении, составленная, но не провозглашенная, висит над Генрихом дамокловым мечом, превращает его в изгоя среди других христианских королей Европы – их настоятельно зовут пересечь Ла-Манш или шотландскую границу и прибрать к рукам что глянется. Может, на папский призыв откликнется император. Может, французский король. Может, они оба. Хотелось бы сказать, что мы готовы их встретить, да только это не так. В случае вторжения нам придется выкопать кости великанов и лупить ими противника по башке. У нас не хватает пушек, не хватает пороха, не хватает стали. Вины Томаса Кромвеля тут нет; как говорит, кривясь, Шапюи, королевство Генриха было бы куда прочнее, назначь тот Кромвеля секретарем лет на пять раньше.

Если оборонять Англию – а он сам выйдет сражаться с мечом в руке, – то надо знать, что такое Англия. В августовский зной он стоит перед резными надгробиями предков, мужей, закованных в броню с головы до пят; их руки в латных рукавицах сложены на груди, ноги, одетые в сталь, покоятся на львах, грифонах, борзых. Каменные мужчины, стальные мужчины, их жены рядом – словно улитки в скорлупе. Мы думаем, время не властно над мертвецами, но время властно над изваяниями мертвецов: кого-то из них сделало беспальмым, кого-то – безносым. Крохотная отколотая нога (от коленопреклоненного херувима?) застряла в каменной драпировке, на резной подушке лежит кончик большого пальца. «Надо будет на следующий год поновить предков», – говорят лорды западных графств, но их-то щитодержатели и геральдические фигуры, эмблемы и девизы всегда блещут свежей краской. Западные лорды кичатся прошлым своего рода: в этих латах мой пращур сражался при Азенкуре, эту чашу мой прапрадед получил из рук самого Джона Гонта. В войнах между Ланкастерами и Йорками их деды и отцы встали не на ту сторону, так что о недавних событиях лорды предпочитают помалкивать. Поколение спустя обиды будут забыты, слава восстановлена – только так Англия может идти вперед, не тонуть в грязи прошлого.

У него, разумеется, нет предков, по крайней мере таких, какими можно кичиться. Был некогда дворянский род Кромвелей, и герольдмейстеры убеждали его для приличия взять их герб; я не из тех Кромвелей, вежливо отвечал он, мне не нужны их девизы. Он сбежал от отцовских побоев пятнадцати лет от роду, пересек Ла-Манш, нанялся в войско французского короля – если дерешься с тех пор, как научился ходить, почему бы не делать это за деньги? Впрочем, есть ремесла поприбыльнее солдатского – он их нашел и решил не спешить на родину.

А теперь, когда титулованные хозяева дома спрашивают совета, где лучше поставить фонтан или трех граций, король отвечает, спросите Кромвеля, он знает Италию, а что хорошо для Италии, сгодится для Уилтшира. Иногда король оставляет королеву с ее дамами и музыкантами у гостеприимных хозяев, а сам, прихватив ближайших друзей, уезжает на недельку поохотиться. Вот так они и оказались в Вулфхолле, где короля почтительно приняли сэр Джон Сеймур и его многочисленное семейство.

– Не знаю, Кромвель, – говорит старый сэр Джон, дружески беря его под руку. – Называть соколов именами покойниц... вас это не вгоняет в тоску?

– Я не знаю, что такое тоска, сэр Джон. Мир слишком для меня хорош.

– Вам надо снова жениться, завести еще детей. Может, найдете себе невесту, пока гостите у нас. В Севернейкском лесу много хорошеньких девиц.

У меня есть Грегори, говорит он, оглядываясь через плечо на сына; он постоянно немного волнуется за Грегори.

– Сыновья – это хорошо, – отвечает сэр Джон, – но мужчине нужны и дочери, они – наше утешение. Гляньте на Джейн, какая она славная.

Он послушно смотрит на Джейн Сеймур, которую хорошо знает по двору, – она была фрейлиной Екатерины, бывшей королевы, теперь исполняет ту же должность при Анне, королеве нынешней. Невзрачная бледная девица, рта не раскроет, на мужчин смотрит испуганно.

Она в белом платье узорчатого атласа, расшитом мелкими гвоздиками, и жемчугах. Семья раскошелилась: даже если не считать жемчугов, наряд обошелся не меньше чем в тридцать фунтов. Немудрено, что она ступает опасливо, словно ребенок, которому велели не замарать платье.

Король говорит, беря ее мышиную лапку в свою ручищу:

– Джейн, надеюсь, дома у родных ты не будешь такой пугливой? При дворе мы от нее и слова не могли добиться.

Джейн смотрит на Генриха снизу вверх, краснеет до корней волос.

– Видали, чтобы кто-нибудь так краснел? – спрашивает Генрих. – Кроме двенадцатилетних девочек?

– Мне не двенадцать, – отвечает Джейн.

За ужином король сидит рядом с леди Марджери, хозяйкой дома. Она в молодые годы была красавицей, а по галантному вниманию короля можно вообразить, что она красавица и сейчас. Леди Марджери родила десятерых, из них шестеро живы, трое сидят за этим столом. Эдвард Сеймур, наследник, очень хорош собой: длинное лицо, серьезные глаза, четкий выразительный профиль. Он начитан, за любое дело берется с умом и рвением, воевал, а теперь, пока нет войны, исправно отдает силы турнирам и охоте. Кардинал в свое время выделял Эдварда из других Сеймуров, да и сам он, Томас Кромвель, согласен, что королю такие люди нужны. Том Сеймур, младший брат, шумливее, притче, больше нравится женщинам – когда входит в комнату, девушки хихикают, а молодые матроны опускают взгляд и смотрят из-под ресниц.

Старый сэр Джон – семьянин с изрядно подмоченной репутацией. Два-три года назад при дворе только и говорили, что он сношает жену старшего сына – и ладно бы один раз, в пылу страсти, так нет, постоянно, со дня замужества. Королева и ее доверенные фрейлины трубили о скандальной связи направо и налево. «Мы сосчитали, что у них это было сто двадцать раз, – со смехом говорила Анна. – По воскресеньям они воздерживались как добрые христиане, а Великим постом немного умеряли пыл». Жена-прелюбодейка родила Эдварду двух мальчиков; когда тайна выплыла на свет, тот сказал, что не может признать наследниками то ли сыновей, то ли единокровных братьев. Преступницу заперли в монастырь, где она вскоре благополучно скончалась. Теперь у Эдварда новая жена, которая держится с мужчинами холодно и не расстается с кинжалом на случай, если свекор подойдет чересчур близко.

Но все забыто, все прощено. Плоть немощна. Визит короля означает, что сэр Джон больше не в опале. У старика тысяча триста акров земли, включая охотничий парк, почти вся она превращена в пастбища для овец и приносит в год по три шиллинга с акра – на двадцать пять процентов больше, чем если бы здесь по-прежнему были пашни. Овцы мелкие, черномордые, помесь английской породы с валлийской горной, мясо у них жесткое, но шерсть неплохая. По приезду король любопытствует: «Кромвель, на сколько потянет эта овца?» – и он, только глянув, дает ответ: «Тридцать фунтов, сэр».

Фрэнсис Уэстон, молодой придворный, хмыкает:

– Мастеру Кромвелю ли не знать! Он ведь когда-то был стригалем.

Король отвечает:

– Без торговли шерстью мы бы жили беднее. Что мастер Кромвель знает ее досконально – его достоинство, не изьян.

Фрэнсис Уэстон только усмехается тайком.

Завтра Джейн Сеймур поедет охотиться с государем.

– Я думал, будут только джентльмены, – слышит он шепот Уэстона. – Королева, если узнает, рассердится.

– Вот и будь умником, – тихо говорит он, – постарайся, чтобы она не узнала.

– Мы в Вулфхолле все охотники, каких поискать, – бахвалится сэр Джон, – и мои дочери тоже. Вы думаете, Джейн робкая, но в седле она – Диана. Я не мучил моих девочек науками, все, что нужно, им преподавал сэр Джеймс.

Священник в дальнем конце стола кивает: старый дуралей, седенький, глаза мутные.

Он, Кромвель, поворачивается к священнику:

– И танцам тоже вы их учили, сэр Джеймс? Примите мое восхищение! Я видел, как сестра Джейн, Элизабет, танцевала при дворе в паре с королем.

– Для этого у девочек был учитель, – хихикает старый Сеймур. – Учитель танцев, учитель музыки, и довольно с них. Иностранные языки им ни к чему – все равно никуда не поедут.

– Я не разделяю такой взгляд. Мои дочери учились вместе с сыном.

Иногда он говорит о них, об Энн и Грейс, умерших семь лет назад.

Том Сеймур смеется:

– Так они и на турнирном лугу упражнялись вместе с Грегори и юным мастером Сэдлером?

– За исключением этого, – улыбается он.

Эдвард Сеймур говорит:

– Многие зажиточные горожане учат дочерей грамоте и счету, чтобы они могли помогать в конторе. Я слышал, так их легче выдать в хорошую купеческую семью.

– Вообразите дочерей мастера Кромвеля, – говорит Уэстон. – Я не рискну. Думаю, они бы не усидели в конторе, зато мясницким топором бы орудовали – о-го-го. От одного их вида у мужчин бы подгибались колени – и не из-за вспыхнувшей любви.

Грегори ерзает на стуле. Мальчик все время в своих мечтаниях, и не подумаешь, что слушает разговор, но сейчас голос Грегори дрожит от обиды:

– Вы оскорбляете память моих сестер, сударь, которых даже не видели. Моя сестра Грейс...

Джейн Сеймур кладет тонкие пальцы на запястье Грегори; чтобы его спасти, она отважилась привлечь к себе внимание общества:

– Я последнее время немного учила французский.

– Да неужели? – улыбается Том Сеймур.

– Меня учила Мэри Шелтон.

– Мэри Шелтон – добрая душа, – замечает король.

Он краем глаза видит, как Уэстон толкает локтем соседа. При дворе сплетничают, что Мэри Шелтон добра с королем в постели.

– Понимаете, – говорит Джейн братьям, – мы не все время проводим за пустой болтовней и сплетнями. Хотя, видит Бог, наших пересудов хватило бы на целый город женщин.

– О чем же вы судачите? – спрашивает он.

– Мы обсуждаем, кто влюблен в королеву. Кто пишет ей стихи. – Джейн опускает глаза. – Я хочу сказать, кто влюблен в каждую из нас. Тот джентльмен или этот. Мы знаем наших поклонников и разбираем их по косточкам так, что они бы покраснели, если б слышали. Мы выспрашиваем, сколько у них акров и каков доход, а потом решаем, что позволим им написать нам сонет. Если поклонник недостаточно для нас богат, мы высмеиваем его стихи. Мы очень жестокие.

Он говорит, чуть настороженно, не беда, если мужчина пишет дамам стихи, даже замужним, при дворе так принято. Уэстон отвечает, спасибо на добром слове, мастер Кромвель, мы думали, вы потребуете, чтобы мы перестали.

Том Сеймур подается вперед, говорит со смехом:

– А кто твои поклонники, Джейн?

– Если хочешь узнать, ты должен надеть платье, взять вышивку и сесть с нами.

– Как Ахиллес среди женщин. Придется вам сбрить свою красивую бороду, Сеймур, и выведать их маленькие нескромные секреты. – Король смеется невеселым смехом. – Если мы не найдем кого-нибудь посвежее. Грегори, ты у нас красавчик, да боюсь, большие руки тебя выдадут.

– Внук кузнеца, – вставляет Уэстон.

– Музыкант Марк, знаете такого? – говорит король. – Вот у кого девичья внешность.

– Марк и без того всегда с нами, – отвечает Джейн. – Мы его и за мужчину-то не считаем. Если хотите узнать наши секреты, спросите Марка.

Беседа уходит в какую-то другую сторону. Он думает, Джейн никогда не бывала так разговорчива. Думает, Уэстон меня задирает, пользуясь безнаказанностью в присутствии короля. Думает, как отомстить. Рейф Сэдлер смотрит на него искоса.

– Итак, чем завтрашний день будет лучше сегодняшнего? – спрашивает его король и объясняет собравшимся: – Мастер Кромвель есть-пить не может, если чего-нибудь не улучшает.

– Для начала я займусь шляпой вашего величества – надо улучшить ее поведение. И те облака, до полудня...

– Дождичек нас остудил.

– Дай бог вашему величеству никогда не вымокать сильнее, – говорит Эдвард Сеймур.

Генрих трет обгорелый лоб:

– Кардинал верил, что может менять погоду. Утро неплохое, говаривал он, но к десяти станет еще лучше. И становилось.

Генрих иногда поминает к случаю Вулси, будто не сам, а какой-то другой монарх затравил кардинала до смерти.

– У некоторых чутье на погоду, – говорит Том Сеймур. – Вот и все. Это не привилегия кардиналов.

Генрих с улыбкой кивает:

– Верно, Том. Незачем мне было так его чтить, да?

– Для подданного он был слишком заносчив, – говорит старый сэр Джон.

Король смотрит на него, на Томаса Кромвеля. Он любил кардинала, здесь все это знают. Его лицо начисто лишено какого бы то ни было выражения, будто свежeweбеленная стена.

После ужина старый сэр Джон рассказывает об Эдгаре Мирлолюбивом, правившем в этих краях много веков назад, до того как королей стали нумеровать. В ту пору все девы были прекрасны, рыцари – отважны, а жизнь – проста и, как правило, коротка. Эдгар пленился некой девушкой и отправил одного из своих графов взглянуть, правда ли она так хороша лицом, как уверяют. Коварный сват написал королю, будто девица кривая и хромая, а живописцы и поэты лгут. В действительности же красавица приглянулась ему самому, так что он немедленно ее обольстил и повел под венец. Эдгар, узнав о предательстве графа, подстерег того в роще неподалеку отсюда и убил одним ударом копья.

– Каким же низким обманщиком оказался тот граф, – говорит король. – Поделом ему!

– Не сват, а свинья! – хохочет Том Сеймур.

Другой брат вздыхает, показывая, что не одобряет таких слов.

– А что сказала дама, узнав о гибели мужа? – спрашивает он, Кромвель.

– Дама вышла за Эдгара, – отвечает сэр Джон. – Они поженились в зеленом лесу и жили долго и счастливо.

– Что ей еще оставалось? – вздыхает леди Марджерии. – Женщины должны покоряться судьбе.

– А в народе говорят, – добавляет сэр Джон, – что коварный граф все еще бродит по лесам, стонет и силится вытащить из живота копье.

– Только представить, – говорит Джейн Сеймур. – Лунной ночью выглянешь в окошко и увидишь, как он тянет за древко и сетует. Хорошо, что я не верю в привидений.

– А зря, сестрица, – отвечает Том Сеймур. – Вот как они к тебе подкрадутся и схватят!

– И все же... – Генрих делает движение, будто бросает копье, правда за столом как следует не размахнешься. – Одним ударом. Видать, славный был копейщик этот король Эдгар.

Он говорит – он, Кромвель:

– Хотел бы я знать, записана эта история, и если да, то кем, и был ли тот человек под присягой.

– Кромвель заставил бы графа ответить перед судом присяжных, – с улыбкой произносит король.

– Бог с вами, ваше величество, – смеется сэр Джон, – тогда и присяжных-то не было.

– Кромвель бы нашел. – Молодой Уэстон подается вперед, чтобы прозвучало весомее. – Он бы выкопал присяжных из-под земли, и уж они бы признали графа виновным, отправили его на плаху. Говорят, когда судили Томаса Мора, наш королевский секретарь вошел с присяжными в комнату для совещаний, а когда они сели, притворил за собой дверь и объявил закон. «Позвольте избавить вас от сомнений, – были его слова. – Ваше дело признать сэра Томаса виновным, и пока не объявите этот вердикт, обеда не получите». Потом он вышел, снова закрыл дверь и встал перед ней с топором, на случай если присяжные станут прорываться на поиски вареного пудинга. Как истые лондонцы, те больше всего пеклись о своем брюхе и, как только услышали его урчание, завопили: «Виновен! Виновнее не бывает!»

Все смотрят на него, на Кромвеля. Рейф Сэдлер говорит хрипло:

– История красивая, но теперь я, в свой черед, спрошу: где она записана? Уверяю вас, мой господин всегда честен в судебных делах.

– Вас там не было, – отвечает Уэстон, – а я эту историю слышал от одного из присяжных. Они кричали: «Скорей, скорей, уведите предателя, а нам подайте баранью ногу!» И Томаса Мора увели на казнь.

– Вы так говорите, будто жалеете, – замечает Рейф.

– Я? Ничуть! – Уэстон вскидывает руки. – Королева Анна говорила, пусть смерть Мора послужит уроком другим предателям. Как бы велики ни были заслуги, как бы ни завуалирована измена, Томас Кромвель выведет злодеев на чистую воду.

Одобрительный гул; такое чувство, что сейчас собравшиеся устроят Кромвелю овацию. Тут леди Марджери подносит палец к губам и указывает глазами на короля во главе стола. Генрих начал заваливаться вправо, опущенные веки подрагивают, дыхание мерно и глубоко.

Сидящие обмениваются улыбками.

– Опыанел от свежего воздуха, – шепчет Том Сеймур.

От воздуха пьянеть не зазорно, иное дело от вина: нынче король требует кувшин с хмельным напитком куда чаще, чем в прежние дни, когда был молод и строен. Он, Кромвель, смотрит, как Генрих наклоняется в кресле. Сперва вперед, словно хочет лечь головой на стол, потом вздрагивает, выпрямляется рывком. По бороде тонкой струйкой течет слюна.

Эх, нет здесь Гарри Норриса, главного из королевских джентльменов, – вот кто сумел бы неслышной походкой приблизиться к государю, разбудить того легким касанием, тихой речью. Увы, Гарри уехал к Анне с любовным письмом от Генриха. Так кто же? Король не похож на усталого ребенка, как был бы похож лет пять назад. Видно, что это немолодой человек, сомлевший от обильной трапезы, лицо обрюзгшее, жилки кое-где полопались, и даже при свечах в редющих волосах отчетливо различается седина. Он, Кромвель, кивает юному Уэстону:

– Фрэнсис, необходимо ваше джентльменское вмешательство.

Уэстон, притворяясь, будто не слышит, смотрит на короля: во взгляде – неприкрытое отвращение. Том Сеймур шепчет:

– Думаю, надо поднять шум. Чтобы он сам проснулся.

– Какой шум? – одними губами спрашивает Эдвард.

Том изображает, что держится за бока.

Эдвард вскидывает брови:

– Смейся, если тебе хватит духу. Он решит, ты смеешься, что он пустил слюни.

Король начинает храпеть. Заваливается влево, опасно нависает над подлокотником.

Уэстон говорит:

– Давайте вы, Кромвель. Вы из нас самый большой человек.

Он с улыбкой мотает головой.

– Наш король, храни его Господь, не молодеет, – важно произносит старый сэра Джон.

Джейн встает. Шелест плотно расшитого атласа. Склоняется над королевским креслом, трогает руку Генриха – быстро, в одно касание. Король резко садится, хлопает глазами:

– Я не спал. Просто прикрыл веки.

Когда король уходит спать, Эдвард Сеймур говорит:

– Мастер Кромвель, сегодня я с вами поквитаюсь.

Откинувшись в кресле, с кубком в руке:

– Чем я вам досадил?

– Шахматная партия. Кале. Знаю, вы помните.

Поздняя осень 1532 года. День, когда король впервые лег с королевой. Прежде чем отдаться Генриху, Анна требовала клятву, что тот на ней женится сразу по возвращении в Англию. Однако шторма задержали корабли в Кале, и король не терял времени даром, стараясь заделать ей наследника.

– Вы поставили мне мат, мастер Кромвель, – говорит Эдвард, – но лишь потому, что сумели меня отвлечь.

– Чем же?

– Спросили про мою сестру Джейн. Сколько ей лет, и все такое.

– Вы решили, я к ней приглядываюсь?

– А это правда? – Эдвард улыбается, чтобы смягчить грубоватый вопрос. – Между прочим, она еще не просватана.

– Ставьте фигуры, – говорит он. – Начнем с того хода, на котором вы отвлеклись?

Эдвард тщательно не выказывает удивления. О памяти Кромвеля ходят невероятные слухи. Он улыбается про себя, зная, что сумел бы правдоподобно расставить фигуры: ему известно, как играют люди с таким складом характера. Говорит:

– Начнем по новой. Мир не стоит на месте. Итальянские правила вас устроят? Не люблю, когда партия растягивается на неделю.

Сеймур начинает довольно смело, но уже через несколько ходов, зажав в пальцах белую пешку, откидывается на спинку кресла и заводит речь о блаженном Августине. От блаженного Августина переходит к Мартину Лютеру:

– Это учение вселяет в меня страх. Будто Господь сотворил нас на погибель. Что Его бедные создания, за исключением единиц, рождаются на муки в земной жизни и в вечной. Иногда мне страшно, что Лютер прав, и все же я надеюсь, что нет.

– Толстый Мартин смягчил свои взгляды. По крайней мере, так говорят.

– Что, из тысячи спасутся двое, а не один? Или наши добрые дела не вполне бесполезны в очах Божьих?

– Не стану говорить от его имени. Почитайте Филиппа Меланхтона, я пришлю вам его новую книгу. Надеюсь, он посетит нас в Англии. Мы ведем переговоры с его окружением.

Эдвард прижимает головку пешки ко рту, словно хочет постучать ею по зубам.

– Неужто король позволит?

– Брата Мартина король в Англию не пустит – даже имени его слышать не желает. Филипп помягче, а нам полезно, очень полезно заключить союз с теми из немецких князей, кто любит слово Божие. Императору в острастку.

– А что это для вас? – (Конь Эдварда скачет по квадратам.) – Дипломатия?

– Я всецело за дипломатию. Она дешевле войны.

– А говорят, что вы и сами любите слово Божие.

– Это не тайна. – Он хмурится. – Вы хорошо подумали, Эдвард? У вас королева под ударом. Я не хотел бы еще раз услышать, что сбил вас с мысли разговорами о спасении вашей души.

Эдвард криво улыбается:

– А как сейчас ваша королева?

– Анна? Она на меня серчает. Как глянет в мою сторону, чувствую – голова шатается на плечах. Королеве насплетничали, что я раз-другой благожелательно отозвался о Екатерине, нашей бывшей королеве.

– Это правда?

– Я всего лишь восхищался твердостью ее духа, которую никто отрицать не может. И опять-таки королева считает, будто я излишне расположен к принцессе Марии. Я хотел сказать, к леди Марии, как мы теперь должны ее называть. Король по-прежнему любит старшую дочь, говорит, ничего не может с собой поделать, Анна же хочет, чтоб король признавал только одну дочь – Елизавету. Она думает, мы чересчур мягки с леди Марией. Та-де должна признать себя внебрачным ребенком.

Эдвард крутит белую пешку в пальцах, оглядывает ее с сомнением, ставит на место.

– А разве еще не признала? Я был уверен, вы ее давно заставили.

– Мы сочли, что лучший способ решить этот вопрос – закрыть на него глаза. Она знает, что не унаследует трон, и, по-моему, не стоит давить на нее дальше. Поскольку император – племянник Екатерины и кузен леди Марии, я стараюсь его не злить. Карл держит нас за глотку, понимаете? Анна не думает, что людей надо улаживать. На ее взгляд, вполне довольно, что она нежна с Генрихом.

– А вы должны быть нежны с Европой.

Смех у Эдварда скрипучий, глаза говорят: вы очень со мной откровенны, мастер Кромвель, – почему?

– К тому же... – Его пальцы висят над черным конем. – На взгляд королевы, я слишком возвысился. Король сделал меня своим викарием по делам церкви, Анна же хочет, чтобы к уху Генриха имели доступ только она сама, ее брат, монсеньор ее отец, – и даже отцу от нее достается. Она называет его трусом, который даром теряет время.

– И он терпит? – Эдвард смотрит на доску. – Ой.

– А теперь смотрите внимательно. Желаете доиграть до конца?

– Наверное, я сдаюсь. – Вдох. – Да. Я сдаюсь.

Он, Кромвель, смахивает с доски фигуры, подавляет зевок.

– И заметьте, я ни разу не упомянул вашу сестру Джейн. Так чем вы оправдаетесь на сей раз?

Поднимаясь в спальню, он видит, что Рейф с Грегори скачут перед большим окном, подпрыгивают и берут подошвами, глядя на что-то незримое у себя под ногами. Сперва он думает, они играют в мяч без мяча, затем, приглядевшись, понимает: они топчут что-то длинное и тонкое. Лежащего человека. Давят каблуками, с разворотом, чтоб побольнее.

– Полегче, – говорит Грегори. – Не сломай ему шею. Пусть прежде хорошенько помучается.

Рейф поднимает голову, картинно утирает пот. Грегори упирается руками в колени, переводит дух, трогает жертву башмаком:

– Это Фрэнсис Уэстон. Все думают, он укладывает короля в постель, а на самом деле он здесь у нас. В призрачной форме. Мы подкараулили его и поймали в волшебную сеть.

– Мы его наказываем. – Рейф наклоняется. – Эй, сэр, теперь жалеете о своих словах? – Плюет на ладони. – Что дальше с ним делать будем, а, Грегори?

– Выбросим в окошко.

– Осторожно, – говорит он. – Король любит Уэстона.

– Значит, будет любить и с расплюсченной головой, – говорит Рейф.

Они с Грегори, отталкивая друг друга, принимают месить Уэстона ногами. Рейф открывает окно, оба нагибаются, хватают невидимое тело и взваливают на подоконник. Фантомная одежда цепляется, Грегори налегает посильнее, призрачный Уэстон головой вниз летит на камни под окном. Мальчишки провожают его глазами.

– Отскочил, как мяч, – замечает Рейф.

Оба отряхивают ладони, улыбаются.

– Доброй ночи, сэр, – говорит Рейф.

Позже Грегори сидит в изножье его кровати – востроглазый, в одной рубашке, возит босой ногой по ковру.

– Так, значит, ты женишь меня на Джейн Сеймур?

– В начале лета ты думал, что я женю тебя на вдове с оленьим парком.

Грегори все поддразнивает – Рейф Сэдлер, Томас Ризли, другие юноши в доме. Кузен Ричард Кромвель.

– Да, но о чем вы беседовали с ее братом последний час? Сперва играли в шахматы, а потом говорили, говорили, говорили. Болтают, что тебе самому она нравилась.

– Когда?

– В прошлом году. Она тебе в прошлом году нравилась.

– Если и так, я давно забыл.

– Мне сказала жена Джорджа Болейна. Леди Рочфорд. Сказала, у тебя, наверное, будет мачеха из Вулфхолла. – Грегори хмурится. – Если Джейн нравится тебе самому, лучше меня на ней не женить.

– Думаешь, я соблазню твою молодую жену? Как сэр Джон?

Он кладет голову на подушку, говорит: «Уймись, Грегори». Закрывает глаза. Грегори славный мальчик, хотя все латинские глаголы, которым его учили, все звучные строки великих авторов влетели в одно ухо и вылетели из другого. Впрочем, если вспомнить юного Джона Мора – сын человека, прославленного на всю Европу своей ученостью, не может без запинки повторить «Отче наш». Грегори метко стреляет из лука, прекрасно сидит в седле, блещет на турнирной арене, у него безукоризненные манеры. Он почтительно говорит со старшими, не шаркает, не переминается с ноги на ногу, учтив и мягок с нижестоящими. Не шляется расхристаный, не засматривается на свое отражение в окнах, не вертит головой в церкви, не перебывает стариков, не заканчивает за них сто раз слышанные истории. Если кто-нибудь чихнет, говорит «будьте здоровы».

Будьте здоровы, сэр или мадам.

Грегори вскидывает голову:

– Томас Мор. Присяжные. Это правда так было?

Уэстон не сильно преувеличил – разве что в деталях. Он, Кромвель, говорит:

– У меня не было топора.

Он устал, он говорит с Богом: «Направь меня». Иногда в такие мгновения между бодрствованием и сном перед ним мелькает кардинал – огромный, в алой сутане. Если бы покойник

предсказывал будущее! Но нет, старый патрон говорит только о мелочах – домашних, конторских. Куда я задевал письмо от герцога Норфолка? – спрашивает он кардинала; на следующий день, рано утром, письмо находится.

Он говорит мысленно: не с Вулси, с женой Джорджа Болейна. «Я не собираюсь жениться. Мне некогда. Я был счастлив с женой, но Лиз умерла, и с ней умерла эта часть моей жизни. Кто, скажите на милость, дал вам право рассуждать о моих намерениях? Мадам, у меня нет времени на ухаживания. Мне пятьдесят. В мои годы только глупец заключает долговременные контракты. Если мне нужна женщина, проще нанять ее на час».

Однако он старается не говорить «в мои годы», по крайней мере когда бодрствует. В хорошие дни он надеется, что протянет еще лет двадцать. Часто думает, что проводит Генриха в последний путь, хотя, строго говоря, это преступление: есть закон, запрещающий рассуждать о сроке монаршей жизни. Впрочем, Генрих только и знает, что искать опасных приключений на свою голову. Было несколько неприятных случаев на охоте. Еще принцем, несмотря на запрет участвовать в турнирах, он выезжал на арену со щитом без герба, в шлеме, скрывающем лицо, и доказывал раз за разом, что ему нет равных. С французами бился доблестно и, как любит говорить, воинствен по природе; наверняка бы остался в истории Генрихом Отважным, если бы Томас Кромвель разрешил ему воевать. Однако Томас Кромвель считает войну непозволительной роскошью, и не только из-за денег: что будет с Англией, если Генриха убьют? Король прожил с Екатериной двадцать лет, осенью будет три года его браку с Анной. Весь итог – по дочери от обеих и целое кладбище младенцев: выкидышей, крещенных в крови, и доношенных, умерших в первый же день, неделю, месяц после рождения. Вся смута, связанная с разводом, была напрасна. У Генриха по-прежнему нет сына-наследника. Есть бастард Гарри, герцог Ричмонд, славный юноша шестнадцати лет, но что проку от бастарда? Что проку от ребенка Анны, двухлетней Елизаветы? Можно принять особые законы, по которым (если, не дай Бог, Англия осиротеет) трон перейдет к Ричмонду. У Томаса Кромвеля прекрасные отношения с юным герцогом, но династия еще слишком молода, для нее это чрезмерный риск. Плантагенеты некогда правили страной и мечтают вернуться вновь, для них Тюдоры – самозванцы. Древние английские семейства готовы в любую минуту заявить права на престол, особенно теперь, когда Генрих порвал с Римом. Внешне они склонились перед Тюдором, но втайне продолжают плести заговоры. Он почти слышит, как они перешептываются за деревьями.

В здешних лесах вы можете отыскать себе невесту, сказал старый Джон Сеймур. Стоит закрыть глаза, и она мелькает тенью, в одеянии из паутины, в каплях ночной росы. Босые ноги опутаны корнями, волосы-перья колышутся меж ветвей; она манит пальцем – скрученным листом. Указывает на него, засыпающего. Внутренний голос глумится над ним: ты думал, что отдохнешь в Вулфхолле. Думал, не будет ничего, кроме обычных дел, войны и мира, голода и предательских интриг, народного ропота, недорода, морового поветрия в Лондоне и короля, проигрывающего в карты свою рубашку. К этому всему ты был готов.

На краю внутреннего зрения, за прикрытыми веками, что-то возникает. Оно проступит с утренним светом: нечто дышащее, подвижное, неразличимое пока в роще или в купе деревьев.

Прежде чем окончательно заснуть, он воображает шляпу короля, райской птицей прикорнувшую на темных ветвях.

На следующий день, чтобы не утомлять дам, с охоты возвращаются рано.

Для него это удачный случай снять охотничье платье и засесть за депеши. Он надеялся, что король соблаговолит выслушать хотя бы главные из скопившихся дел, но Генрих говорит:

– Леди Джейн, вы прогуляетесь со мной по саду?

Она тут же вскакивает, хмурится непонимающе. Губы шевелятся, словно мистрис Сеймур повторяет про себя слова короля: Джейн... со мной... по саду?

О да, конечно, почту за честь. Ее рука, нежный лепесток, трепещет над рукавом Генриха, затем ложится на вышивку.

В Вулфхолле три сада. Они называются Большой сад, Сад старой госпожи и Сад молодой госпожи. Никто не смог ответить на вопрос, что это были за госпожи; и старая и молодая умерли давным-давно, разница между ними стерлась. Он вспоминает свой сон: невеста из палой листвы, невеста из мха.

Он читает. Пишет. Что-то настойчиво скребет в голове, требует внимания. Он встает, смотрит из окна на садовые дорожки. Переплет частый, стеклышки кривые, приходится крутить головой, пока хоть что-нибудь различишь. Он думает: я могу прислать Сеймурам своего мастера, пусть посмотрят на незамутненный мир. У него работает целая артель голландских стекольщиков. Прежде они служили у кардинала.

Внизу прогуливаются Генрих и Джейн. Генрих огромный, Джейн похожа на марионетку, ее голова не достает королю до плеча. Генрих, высокий, широкоплечий, сразу привлекает к себе все взгляды – и привлекал бы, даже не сделай его Господь своим помазанником.

Сейчас Джейн за кустом. Генрих кивает ей, что-то говорит, в чем-то убеждает. А он, Кромвель, смотрит, чешет подбородок, думает: вроде бы у короля голова стала больше. Возможно ли это в таком возрасте?

Ганс заметил бы, надо его спросить, когда вернемся в Лондон. Скорее всего, мне помешалось, возможно из-за кривого стекла.

Небо затянулось тучами. В стекло бьет тяжелая капля. Он моргает. Капля растекается, сбегает по окну струйкой. Джейн снова видно. Король положил могучую лапищу на ее руку, прижимает к своему локтю. Губы короля по-прежнему шевелятся.

Он возвращается за стол. Читает, что строители укреплений в Кале бросили инструменты и требуют шесть пенсов в день. Что его новый плащ зеленого бархата отправят в Уилтшир со следующим гонцом. Что кардинал Медичи отравлен собственным братом. Зевает. Что на острове Танет скупщики взвинтили цену на зерно. Он бы предпочел повесить скупщиков, но им покровительствует местный аристократишка, который рассчитывает нажиться на голоде, так что действовать надо осторожно. Два года назад в Саутворке семерых лондонцев задавили в драке из-за хлеба. Позор для Англии, что королевские подданные голодают. Он берет перо, делает пометку.

Очень скоро – дом небольшой, все звуки слышны – внизу отворяется дверь, раздается голос короля и тихий озабоченный гул... промочили ноги, ваше величество? Тяжелая поступь короля, а вот Джейн куда-то бесшумно ускользнула. Наверняка ее утащили к себе мать и сестры – узнать, что говорил король.

Генрих входит. Он отодвигает стул, встает, поворачивается к двери. Генрих машет рукой – работайте, мол.

– Ваше величество, московиты захватили триста миль Польши. Пишут о пятидесяти тысячах убитых.

– О? – говорит король.

– Надеюсь, они пощадили библиотеки. Ученых. В Польше замечательные ученые.

– М-да? Что ж, я тоже надеюсь.

Он возвращается к депешам. В Лондоне чума... король вечно боится подхватить заразу. Иноземные правители спрашивают в письмах, правда ли, что Генрих собирается отрубить голову всем своим епископам. Разумеется, нет, у нас теперь превосходные епископы, все согласны с желаниями короля, все признали Генриха главой английской церкви, и вообще, что за невежливый вопрос? Как можно ставить под сомнение праведность королевского суда? Да, епископ Фишер казнен, и Томас Мор тоже, но эти двое сами вынудили доброго короля пойти на крайние меры; если бы они не упорствовали в своих изменнических взглядах, то были бы сейчас живы, как вы и я.

С июля он написал множество таких писем. Получалось не очень убедительно, даже для него самого. Он чувствует, что повторяет доводы вместо того, чтобы их развивать. Нужны новые фразы... Генрих ходит по комнате у него за спиной.

– Ваше величество, императорский посол Шапюи испрашивает дозволения посетить вашу дочь леди Марию.

– Нет, – отвечает Генрих.

Он пишет Шапюи: «Запаситесь терпением, я вернусь в Лондон и все устрою».

Ни слова от короля, только шаги, дыхание, скрип буфета, на который Генрих оперся локтем.

– Ваше величество, пишут, что лорд-мэр Лондона почти не выходит из дому, так его замучила мигрень.

– Мм?

– Ему делают кровопускания. Что ваше величество об этом думает?

Пауза. Генрих смотрит рассеянно:

– Кровопускания? От какой болезни, простите?

Странно. Генрих боится чумы, но всегда с удовольствием слушает про чужие мелкие хвори. Скажи, что у тебя кашель или болит живот, король собственными руками составит микстуру и будет стоять рядом, пока ты ее пьешь.

Он откладывает перо. Поворачивается, заглядывает монарху в глаза. Очевидно, Генрих мыслями все еще в саду. Такое выражение, как сейчас у короля, он, Кромвель, видел раньше. Правда, не у людей. Генрих выглядит как телок, которого мясник ударил по голове.

Это их последняя ночь в Вулфхолле. Он спускается в парадную гостиную очень рано, с охапкой бумаг. В млечном свете застыло бледное видение: Джейн Сеймур в плотно расшитом атласном платье. Она не поворачивается к вошедшему, но видит его уголком глаза.

Если он и питал к ней интерес, теперь все прошло. Месяцы проносятся мимо, словно осенние листья, уносимые в зиму. Лето позади. Дочь Томаса Мора сняла отцовскую голову с пики на Лондонском мосту. Наверное, положила на блюдо и молится на нее. Он иной человек, чем в прошлом году, и чувства того человека – не его чувства. У него новая жизнь, новые мысли, новые чувства. Джейн, говорит он, наконец-то вам позволят снять ваше лучшее платье – вы рады, что мы уезжаем?

Джейн смотрит прямо вперед, как часовой. За ночь небо расчистилось, день снова будет погожий. Утреннее солнце розовит поля. Туманная дымка тает, очертания деревьев обретают подробности. Дом просыпается. Лошади, выведенные из конюшни, ржут и переступают на месте. Хлопает задняя дверь, на втором этаже скрипят половицы. Джейн как будто не дышит. Ее плоская грудь не вздымается. Ему хочется отступить в ночь, слиться с темнотой, оставить Джейн на ее посту.

II Вороны

Лондон и Кимболтон, осень 1535 г.

Стивен Гардинер! Идет навстречу ему к монаршим покоям, под мышкой фолиант, свободная рука рубит воздух. Гардинер, епископ Винчестерский: налетел грозой, когда у нас в кои-то веки погожий день.

Стивен входит в комнату, и мебель прядает врассыпную. Стулья пятятся, табуретки приседают, как писающие суки. Библейские фигуры на шпалерах зажимают руками уши.

При дворе его ждешь. Внутренне готов. Но здесь? Когда мы просто охотимся и якобы отдыхаем?

– Приятная неожиданность, милорд епископ. Рад лицезреть вас в таком добром здравии. Двор вскоре тронется в сторону Винчестера, и я не надеялся увидеть вас до тех пор.

– Я упредил вас ночным маршем, Кромвель.

– Так мы в состоянии войны?

Лицо епископа говорит: вы знаете, что да.

– Это вы отправили меня в ссылку.

– Я? Помилуйте, Стивен. Я каждый день о вас скучаю. И к тому же не в ссылку. Вас лишь временно удалили от двора.

Гардинер облизывает губы:

– Вы увидите, как я провел это время.

Когда Гардинер потерял место королевского секретаря, Кромвель (новый королевский секретарь) посоветовал епископу уехать в свою епархию, дабы не мозолить глаза королю и молодой королеве. «Милорд Винчестер, вам крайне желательно высказать обдуманное суждение о супрематии короля, просто чтобы исключить сомнения в вашей преданности. Твердое заявление, что его величество – глава английской церкви, и, если хорошенько подумать, так было всегда. Взвешенное мнение, изложенное со всей определенностью, что папа – чужеземный правитель и не обладает властью в этой стране. Письменная проповедь или открытое письмо. Дабы развеять любые недоразумения касательно ваших взглядов. Дать пример другим церковникам, избавить посла Шапюи от нелепой мысли, будто вы подкуплены императором. Вашу декларацию должен услышать весь христианский мир. Кстати, почему бы вам не уехать в свою епархию и не написать книгу?»

И вот Гардинер здесь, похлопывает рукопись, словно треплет по щеке пухлого младенца:

– Королю понравится моя книга. Я назвал ее «Об истинном послушании».

– Вам стоит показать ее мне, прежде чем отдать печатнику.

– Король сам изложит вам ее содержание. Здесь говорится, почему клятвы, данные папскому престолу, недействительны, а наша присяга королю как главе церкви – истинна. Главный упор сделан на то, что Бог сам наделяет своего помазанника властью.

– А не папа.

– Ни в коем случае не папа. Власть снисходит от Бога без всякого посредника, а не востекает от подданных к королю, как вы некогда утверждали.

– Я так говорил? Востекает? Трудно представить.

– Вы принесли королю книгу, где так утверждалось. Книгу Марсилия Падуанского, сорок две пропозиции. Король говорит, вы замучили его ими до головной боли.

– Мне следовало излагать короче, – улыбается он. – На практике, Стивен, не важно, исходит сверху, востекает снизу. «Где слово царя, там и власть; и кто речет ему „что твориши“?»

– Генрих не деспот, – сухо отвечает Гардинер. – Я отвергаю всякую мысль, что его правление нелегитимно. Будь я королем, я бы хотел, чтобы моя власть была полностью законной, чтобы все ее признавали и твердо защищали от любых нападков. А вы?

– Будь я королем...

Он чуть не сказал: будь я королем, я бы вас дефенестрировал.

Гардинер спрашивает:

– Почему вы смотрите в окно?

Он рассеянно улыбается:

– Любопытно, что сказал бы о вашей книге Томас Мор?

– О, ему бы она очень не понравилась, но мне плевать, – с жаром говорит епископ, – поскольку его мозг выклевали коршуны, а череп превратился в святые мощи, перед которыми дочь молится на коленях. Зачем вы разрешили ей забрать голову с Лондонского моста?

– Вы же знаете меня, Стивен. Доброта течет в моих жилах и по временам переливается через край. Давайте вернемся к вашей книге. Если вы так ею гордитесь, может, поживете в Винчестере еще какое-то время, поработаете над слогом?

Гардинер скалится:

– Вам самому следует написать книгу. Достойный выйдет труд – с вашей кухонной латынью и начатками греческого.

– Я буду писать на английском, – говорит он. – Прекрасный язык, годится для любой надобности. Идите, Стивен, не заставляйте короля ждать. Вы застанете его в отличном расположении духа. С ним сейчас Гарри Норрис. И Фрэнсис Уэстон.

– А, болтливый хлыщ. – Стивен делает движение, будто бьет кого-то по щеке. – Спасибо, что предупредили.

Ощутил ли фантомный Уэстон пощечину? Из комнаты Генриха доносится взрыв смеха.

После отъезда из Вулфхолла хорошая погода продержалась недолго. Не успели выехать из Севернейкского леса, как нас накрыло мокрым туманом. Дожди в Англии идут с небольшими перерывами уже лет десять. В этом году вновь будет недород. Ждут, что кварта пшеницы подорожает до двадцати шиллингов. Каково придется в эту зиму тем, кто зарабатывает пять-шесть пенсов в день? Спекулянты уже начали скупать зерно не только на острове Танет, но и в других графствах. Его люди тщательно за ними следят.

Кардинал удивлялся, что одни англичане ради наживы морят других голодом. На это он отвечал: «Я видел, как наемник-англичанин зарезал товарища, вытащил одеяло из-под бьющегося в судорогах тела, перерыл вещи и забрал вместе с деньгами образок».

– Так то наемный убийца, – возражал Вулси. – Эти люди забыли о спасении души. Но большинство англичан боятся Бога.

– Итальянцы думают иначе. Они говорят, дорога из Англии в ад утоптана, как камень, и все время идет под гору.

Каждый день он размышляет о загадке своих соплеменников. Да, он видел убийц, но видел и другое: как солдат отдал женщине хлеб, совершенно чужой женщине, и, пожав плечами, пошел дальше. Лучше не испытывать людей, не доводить их до крайности. Пусть живут в достатке, тогда и станут щедрыми. Сытый человек благодушен. Голод порождает чудовищ.

Когда, через несколько дней после разговора с Гардинером, король добрался до Винчестера, в тамошнем соборе рукоположили новых епископов. «Мои епископы», называет их королева: евангелисты, реформаты, люди, которые уповают на Анну. Кто бы думал, что Хью Латимер станет епископом? Легче было предположить, что его сожгут в Смитфилде, что он кончит дни на костре, выкрикивая евангельские слова. С другой стороны, кто думал, что Томас

Кромвель станет хоть кем-нибудь? Когда пал Вулси, казалось, что и он, слуга Вулси, уже не поднимется. Когда умерли его жена и дочери, он думал, что не переживет горя. Однако Генрих приблизил его к себе, и назначил своим советником, и сказал: «Вот вам, Кромвель, моя рука», освободил ему путь в тронную залу. В юности он вечно проталкивался локтями через толпу, чтобы пробиться в первые ряды. Теперь, когда Томас Кромвель идет по Вестминстеру или по любому из королевских дворцов, толпа расступается. С той поры как он стал советником, ему расчищают дорогу – сдвигают ящики и козлы, гонят прочь бродячих собак. Женщины умолкают, одергивают рукава, поправляют кольца – с тех пор, как его поставили начальником судебных архивов. Кухонные помои, конторский сор, скамеечки для ног пинками отбрасывают в сторону, сколько он служит королевским секретарем. И никто, кроме Стивена Гардинера, не поправляет его греческий нынче, когда он – ректор Кембриджского университета.

Лето в целом было для Генриха успешным: в Беркшире, Уилтшире и Сомерсете король проезжал перед народом, и жители (если не хлестал дождь) выстраивались вдоль дороги и радостно приветствовали государя. Да и кто бы не радовался? Всякий раз, видя Генриха, дивишься заново: грузный мужчина с бычьей шеей, лицо пухлое, глаза голубые, рот маленький и почти жеманный. Рост шесть футов три дюйма, и в каждом дюйме – царственность. Осанка, весь облик – величавы; ярость, проклятия, горячие слезы – устрашают. Но временами чело светлеет, Генрих садится рядом с тобой на скамью и заводит разговор, как брат. Как брат, если у кого есть брат. Или даже как отец, идеальный отец: ну что, сынок? Не слишком уработался? Пообедал уже? Что тебе снилось сегодня ночью?

Тут есть опасность: когда король ездит по стране, сидит за обычным столом на обычном стуле, его можно счесть обычным человеком. Однако Генрих не обычен. Пусть его волосы редеют, а брюхо растет, что с того? Император Карл, глядя в зеркало на свою кривую физиономию и крючковатый нос, отдал бы провинцию за благообразие тюдоровского лица. Король Франциск, тощий как жердь, заложил бы в ломбард дофина, если б мог купить себе плечи, как у короля Англии. Любыми их достоинствами он наделен двоекратно. Если они учены, он учен вдвойне. Если милостивы, он – сама милость. Если рыцарственны, он – лучший из рыцарей, когда-либо воспетых менестрелями.

И все равно в кабаках клянут за непогоду Генриха и Анну Болейн: полюбовницу, блудницу вавилонскую. Если король вернет свою законную жену Екатерину, дожди кончатся. И впрямь, кто усомнится, что жизнь в Англии станет куда лучше, если сельские дурачки и пьянчуги получают власть принимать решения за короля?

В Лондон едут медленно, чтобы к возвращению короля там не осталось и подозрения на чуму. В холодных часовнях, выстроенных на помин чьей-то души, под взглядами косоглазых мучениц король молится в одиночестве. Ему это не по душе. Он хочет знать, о чем молится король. Его старый покровитель, кардинал Вулси, уж как-нибудь бы разузнал.

Его отношения с королевой сейчас, на исходе лета, осторожны, неустойчивы, исполнены недоверия. Анне Болейн тридцать четыре, она темноволоса и настолько изящна, что обычная миловидность кажется несущественным дополнением. Некогда гибкая, она сделалась угловатой. Глаза сохранили темный блеск, несколько поистертый, чуть более шероховатый. Они – ее главное оружие. Анна смотрит мужчине в лицо и тут же рассеянно отводит глаза. Короткая пауза – может быть, на один вдох. Затем медленно, словно против воли, Анна вновь задерживает взгляд на предмете, изучает его так, словно мужчина перед ней – единственный в мире. Как будто она видит его впервые и прикидывает все, что можно от него получить, все возможности, которые ему и в голову не приходили. Для жертвы мгновение длится целую вечность и заставляет мурашки бежать по коже. Хотя на самом деле трюк быстрый, дешевый, действенный и легко воспроизводимый, бедолаге мнится, будто его выделили из всех мужчин мира. Он ухмыляется. Приосанивается. Становится чуть выше. Чуть глупее.

Он видел, как Анна проделывает такое с лордом и простолюдином. С королем. Жертва чуть приоткрывает рот, и хлоп! – рыбка на крючке. Это работает почти всегда; с ним не срабатывало ни разу. Видит Бог, он не равнодушен к женщинам, просто равнодушен к Анне Болейн. Ей досадно; ему следовало бы притвориться. Он сделал ее королевой, она его – сановником, но они постоянно напряжены, постоянно ждут, что другой выдаст себя мелкой оплошностью и тем ослабит свою оборону, как будто неискренность – их единственная защита. Однако Анне лицемерить труднее – ее настроения переменчивы, она скачет от смеха к слезам, маленькая резвушка, мужнина радость. Несколько раз за лето королева тайком улыбалась ему из-за королевского плеча или гримаской предупреждала, что Генрих не в духе. А по временам она нарочито его не замечает, отворачивается, скользит по нему взглядом, будто не видит.

Чтобы понять причину – если ее вообще можно понять, – нужно вернуться в прошлую весну, когда Томас Мор был еще жив. Анна пригласила его побеседовать о дипломатии. Она хотела заключить брачный контракт: просватать свою малолетнюю дочь за французского принца. Однако французы юлили. По правде сказать, они и сейчас не вполне признают Анну королевой, не уверены, что ее дочь – законная. Анна знает причину их неговорчивости и почему-то вбила себе в голову, будто виноват он, Томас Кромвель. Она прямо заявила, что он вставляет ей палки в колеса, потому что не любит французов и не хочет заключать с ними союз. Разве он не отказался ехать на переговоры? Франция была готова принять посла, говорит Анна. И вас ждали, господин секретарь. А вы сказались больным, и пришлось ехать милорду моему брату.

– И тот не смог ни о чем договориться. Очень жаль.

– Я вас знаю. Вы ведь никогда не болеете, кроме как по собственному желанию? Думаете, когда вы не при дворе, мы вас не видим, а напрасно. Мне доносят, что вы чересчур близки с императорским послом. Да, Шапюи – ваш сосед, но только ли поэтому ваши слуги с утра до вечера спуют из одного дома в другой?

Анна была тогда в нежно-розовом и бледно-сером. Казалось бы, свежие девичьи цвета должны радовать глаз, но ему виделись розовато-серые внутренности, требуха, кишки, вытасценные из живого тела; вторая партия упрямых монахов ждала отправки на Тайберн, где их вспорот и выпотрошит палач. Они изменники и заслужили смерть, но эта казнь превосходит другие в жестокости. Жемчуга на тонкой шее Анны представлялись ему бусинками жира; в пылу спора она начинала их теребить, длинные пальцы с ноготками-ножичками приковывали его взгляд.

И все же, говорит он Шапюи, покуда я в милости у короля, королева мне не опасна. На нее находит, она бесится, королю это известно. Генрих когда-то тем и пленился, что Анна не похожа на мягких белокурых красавиц, добрых и покладистых, которые проходят через жизнь мужчины, не оставляя следа. Однако теперь при виде супруги король иногда сникает. Когда она закатывает очередной скандал, глаза у Генриха стекленеют, и не будь наш монарх такой джентльмен, надвигал бы шляпу на уши.

Нет, говорит он послу, меня тревожит не Анна, а те мужчины, которыми она себя окружила. Ее семья: отец, граф Уилтшир, любящий обращение «монсеньор», и брат – Джордж, лорд Рочфорд, один из джентльменов короля. Джордж из младшего поколения камергеров. Король любит друзей юности; кардинал время от времени проходил по ним метлой, но они просачивались назад, как жидкая грязь. Когда-то все они были удалцы, за четверть века поседели и облысели, одрябли и раздались, охромели либо лишились нескольких пальцев на руках, но по-прежнему наглы, как сатрапы, и ума с годами не нажили. А теперь подрастают щенки из нового помета, Уэстон, Джордж Рочфорд и иже с ними. Генриху нравится держать при себе молодых, он думает, так и сам останется молод. Эти люди – старые и новые – с королем от пробуждения до сна: когда Генрих на стульчаке, когда чистит зубы и плюет в серебряный таз; они трут монарха полотенцами, зашнуровывают в дублет и шоссы, знают наперечет каждую его родинку

и бородавку. Им открыты архипелаги его пота, когда Генрих возвращается с теннисного двора и сбрасывает рубашку. Они знают больше, чем нужно, столько же, сколько прачка и лейб-медик. Им известно, сколько раз в неделю король бывает у королевы в надежде ее обрюхатить и как по пятницам (когда христиане не сношаются) видит во сне фантомную женщину и оставляет пятна на простыне. За сведения они просят высокую плату: хотят встречных одолжений, хотят, чтобы на их безобразия закрывали глаза, считают себя особенными и хотят, чтобы ты это почувствовал. Он, Кромвель, умасливал и обхаживал этих людей, сколько служит у Генриха, искал подходы и предлагал компромиссы, но иногда, когда они по часу не пропускают его к королю, им трудно сдерживать ухмылки. Я слишком много уступал, думает он. Теперь пусть уступают они – или я их уберу.

Теперь по утрам зябко, толстобрюхие облака вприскок бегут по небу за королем и его спутниками, пока те едут по Гемпширу. Дорожная пыль превратилась в грязь. Они – небольшой охотничий отряд – приближаются к Фарнхему, когда их останавливает гонец: в городе чума. Генрих, бесстрашный в бою, сейчас на глазах бледнеет и поворачивает коня. Куда ехать? Куда угодно, лишь бы не в Фарнхем.

Он подается вперед, снимает шляпу, обращается к королю:

– Мы можем заехать в Бейзинг-хауз раньше, чем обещали, давайте я отправлю кого-нибудь предупредить Уильяма Полета. Затем, чтобы не слишком его обременять, в Элветхем на день? Эдвард Сеймур там; если у него не хватит припасов, я их раздобуду.

Дав королю отъехать вперед, говорит Рейфу:

– Отправь человека в Вулфхолл. Вызови мистрис Джейн.

– Сюда?!

– Она умеет ездить верхом. Пусть старый Сеймур даст ей хорошую лошадь. Она должна быть в Элветхеме к вечеру среды, потом будет поздно.

Рейф натягивает поводья, чтобы поворотить коня:

– Но, сэр. Сеймуры спросят, почему Джейн и почему срочно. И зачем нам ехать в Элветхем, если другие дома ближе. Уэстоны в Саттоне...

К чертям Уэстонов, думает он, Уэстоны в мои планы не входят.

– Скажи, пусть сделают это из любви ко мне.

Рейф определенно думает: «Значит, хозяин все-таки решил посватать Джейн. За себя или за Грегори?»

Он, Кромвель, увидел в Вулфхолле то, чего не заметил Рейф: тихая Джейн – вот кто греется Генриху по ночам, бледная безмолвная Джейн в его постели. У мужчин бывают причуды – не беда, если Кромвель поможет королю осуществить эту. Генрих не распутник, у него было сравнительно мало любовниц. И не из тех, кто ненавидит женщину, которой попользовался. Будет писать ей стихи, а если вовремя подсказать, то и подарит ренту. Приблизит к себе ее родственников; после возвышения Анны Болейн многие семейства уверены, что высшее призвание англичанки – снискать любовь короля. Если все разыграть правильно, можно сделать Эдварда Сеймура влиятельным человеком при дворе и заполучить союзника, а союзников нам сейчас очень не хватает. На данном этапе Эдварду нужен совет – у Кромвеля делового чутья куда больше. Он не позволит Джейн продаться задешево.

Но как поведет себя королева Анна, если Генрих сделает фавориткой придворную девицу, которую она высмеивала, называла плаксой и бледной немочью? Что противопоставит покорности и молчанию? Припадки ярости тут, очевидно, не помогут. Анна должна будет спросить себя, что в Джейн есть такого, чего нет у нее. Задуматься. А посмотреть, как Анна думает, всегда приятно.

В Вулфхолле, когда королева туда добралась, она была с ним чрезвычайно мила: брала под руку, болтала по-французски о пустяках. Как будто не сказала несколько недель назад,

что хотела бы отрубить ему голову, как будто то была самая невинная фраза. На охоте лучше держаться у королевы за спиной. Анна стреляет быстро, но не всегда метко. Этим летом попала из арбалета в корову. Генриху пришлось заплатить.

Впрочем, всё пустяки. Королевы приходят и уходят – так учит недавняя история. Давай-ка подумаем лучше, чем оплатить непомерные королевские расходы. Где взять деньги на бедных и на судей, на то, чтобы уберечь Англию от врагов.

С прошлого года он точно знает ответ: раскошелиться должны монахи, эти бесполезные нахлебники. Отправляйтесь по аббатствам и монастырям во всех концах королевства, сказал он своим инспекторам, задайте там вопросы, которые получите от меня, общим числом восемьдесят шесть. Меньше говорите, больше слушайте, а выслушав, потребуйте счета. Поговорите с монахами и монахинями об их жизни и об уставе. Мне безразлично, считают они, что мы спасаемся только Христовой кровью или нашими добрыми делами отчасти тоже. Ладно, не безразлично, но прежде я хочу знать, каковы их доходы, ренты и земельные владения, а также, буде король как глава церкви пожелает вернуть себе свое достоинство, каким образом это лучше осуществить.

Не ждите теплого приема, говорит он. Монахи постараются к вашему приезду спрятать доходы. Узнайте, какие у них есть мощи и местночтимые святыни, сколько пожертвований они собирают в год: ведь все эти деньги заработаны трудами суеверных паломников, которым лучше бы сидеть по домам. Дознайтесь, что они думают о Екатерине, о леди Марии, как относятся к папе, ведь если капитулы их орденов находятся вне нашего острова, разве они не обязаны большей верностью некой иноземной державе? Разъясните им, чем это чревато. Скажите, что мало на словах засвидетельствовать верность королю, пусть докажут ее на деле, а лучшее доказательство – их готовность облегчить вашу работу.

Инспекторы не посмеют его обманывать, но на всякий случай он посылает их по двое: один будет приглядывать за другим. Монастырские казначеи станут предлагать взятки, чтобы инспекторы в отчетах занизили их доходы.

Томас Мор, когда сидел в Тауэре, сказал ему:

– Что у вас на очереди, Кромвель? Вы собрались развалить всю Англию.

Он ответил:

– Не дай мне Бог дожить до того, что я начну не строить, а рушить. Невежды говорят, будто король уничтожает церковь. Нет. Он ее обновляет. Поверьте, страна станет лучше, когда очистится от ханжей и лжецов. Только вы, если не проявите больше учтивости к королю, этого не увидите.

И не увидел. Ему не жаль, что так вышло, обидно лишь, что Мор не внял логике. Он, Кромвель, составил клятву, в которой провозглашается супрематия короля над церковью. Эта клятва – свидетельство верности. В жизни мало простого, но тут все просто. Если ты отказываешься принести клятву, значит признаешь себя изменником, бунтовщиком. Мор отказался. Что тому оставалось, кроме как умереть? Кроме как дошлепать по-утиному до эшафота мокрым июльским днем, когда дождь лил без остановки и ненадолго перестал только под вечер, слишком поздно для Мора, который умер в хлюпающих башмаках, в чулках, заляпанных грязью до колен? Нельзя сказать, что он болезненно чувствует отсутствие Мора, просто иногда забывает, что того нет. Словно они беседовали, и разговор прервался, он говорит, а никто не отвечает. Как если бы они шли рядом и Мор провалился в яму – дорожную яму в человеческий рост, по края заполненную водой.

Такое бывает. Дороги разверзаются под ногами, люди гибнут. Англии нужны хорошие дороги, прочные мосты. Он готовит билль о бездомных: надо приставить их к работе, пусть строят дороги, порты, крепостные стены против императора и других охотников поживиться английским добром. Мы будем платить им, мы найдем деньги, если введем налог на доходы

богачей, мы дадим этим людям кров, лекарей, пропитание. Вся страна будет пользоваться плодами их трудов, а бедняки, получив работу, не сделаются сводниками, грабителями, карманниками. Да, их отцы были сводники, грабители, карманники, но это ничего не значит. Погляньте на него. Разве он – Уолтер Кромвель? За одно поколение все может измениться.

Что до монахов, он, как и Мартин Лютер, уверен: монашеская жизнь не нужна, не полезна, не предписана Христом. Монастыри – не часть естественного Божьего порядка, они возникают и умирают, как любые другие институты. Иногда рушатся их стены, иногда хозяйство чахнет по нерадению. Многие исчезли совсем, или переведены в другое место, или влились в более крупные монастыри. Число монахов убывает, поскольку теперь добрый христианин живет в миру. Возьмем Беттлское аббатство. Две сотни монахов в пору расцвета, а сколько теперь? От силы сорок. Сорок раскормленных толстяков сидят на гряде сокровищ. И то же самое по всему королевству. Огромные богатства похоронены в сундуках, хотя могли бы с пользой обращаться среди королевских подданных.

Комиссионеры пишут письма, шлют монастырские манускрипты, где записаны сказки о духах и проклятиях, призванные держать в страхе простой люд. Есть реликвии, которые вызывают и прекращают дождь, не дают расти сорнякам или лечат болезни скота, и монахи не одалживают их по-соседски, а предоставляют за плату: старые кости, щепки, гнутые гвозди. Он рассказывает королю и королеве, что его люди нашли в графстве Уилтшир.

– У монахов Мейден-Бредли есть лоскуты Господнего платья и объедки от Тайной вечери. Ветки, которые расцветают на Рождество.

– Последнее возможно, – благочестиво говорит король. – Вспомните терновник в Гластонбери.

– У приора шесть сыновей, и он держит их при себе в качестве слуг. В свое оправдание говорит, что не путается с замужними женщинами, только с девицами, а когда они забеременеют, находит им хороших мужей. Клянется, что у него есть документ с папской печатью – разрешение на блуд.

– А показать документ может? – хихикает Анна.

Генрих возмущен:

– Гнать его взашей. Такие люди порочат монашеское звание.

Неужто король не знает, что эти глупцы с выбритой тонзурой обычно хуже других людей? Бывают хорошие монахи, но они, увидев иноческие идеалы вблизи, обычно сбегают в мир. Наши деды вооружались косами и вилами и шли против монахов, как против иноземных захватчиков, грозили спалить монастырь, требовали податные списки и кабальные документы, а получив, бросали их в огонь и говорили: нам всего-то и надо что немного свободы; немного свободы и чтобы к нам относились как к англичанам, после всех столетий, когда нас держали за скотов.

Сообщают и о более гнусных делах. Он, Кромвель, говорит своим посланцам: просто объявите, объявите громко. Один монах – одна постель, в одной постели – один монах. Неужто так трудно утерпеть? Умудренные жизнью объясняют ему: этот грех неистребим, если мужчин не пускать к женщинам, те примутся за молоденьких послушников. Но разве им не положено смирять плоть? Что толку в молитве и посте, если это оружие бессильно против козней лукавого?

Король согласен, что есть изъяны, говорит, возможно, надо объединять мелкие обители, ведь и кардинал этим занимался, пока был жив. Но уж, конечно, крупные монастыри сами наведут у себя порядок?

Возможно, отвечает он. Король набожен и боится перемен; хочет, чтобы церковь реформировалась, стала безупречной; а еще хочет денег. Однако Генрих рожден под знаком Рака и к цели подбирается по-крабьи, бочком. Он, Кромвель, наблюдает за королем, пока тот проглядывает отчеты. Это не те доходы, которые вырывают казну. Рано или поздно Генрих задумается

о крупных монастырях, о жирных аббатах, ублажающих свое брюхо. Попробуем заронить эту мысль. Он говорит: я часто сидел за монастырскими столами, где приор клюет финики и изюм, а монахи изо дня в день видят одну селедку. Думает: будь моя власть, я бы освободил их для лучшей жизни. Они говорят, что ведут *vita apostolica*¹, но апостолы не щупали друг другу яйца. Пусть все, кто хочет уйти, уйдут. Кто рукоположен, пусть трудится в приходах. Все, кто моложе двадцати четырех, юноши и девушки, пусть возвращаются по домам. Рано им связывать себя обетами до конца дней.

Он думает вперед: если король получит монастырские земли, и не часть, а все, то станет в три раза богаче и сможет не вымаливать подаяния у парламента. Грегори смеется:

– Говорят, если аббат Гластонбери спознается с аббатисой Шефтсбери, их дети будут самыми богатыми землевладельцами в Англии!

– Охотно верю. А впрочем, ты видел аббатису Шефтсбери?

Грегори пугается:

– Нет. А надо?

Все их с сыном разговоры заходят куда-то не туда. Он вспоминает детство, отца, себя: один рычит, другой огрызается.

– Сможешь посмотреть на нее, если захочешь. У меня в Шефтсбери есть важное дело, надо туда съездить.

В Шефтсбери кардинал Вулси поместил свою дочь.

– Запиши для памяти, Грегори, чтобы я не забыл: «Проведать Доротею».

Грегори изнывает от желания спросить: «Кто такая Доротея?» Вопросы один за другим читаются на лице мальчика, и последний: «Она хорошенькая?»

Он смеется:

– Не знаю. Отец ее никому не показывал.

Однако он убирает улыбку с лица, когда говорит Генриху: из всех треклятых изменников монахи – самые упрямые. Грозишь таким: «Вы у меня поплачете», отвечают, что родились для слез и скорбей. Иные готовы стоять у позорного столба или идти с молитвой на Тайберн. Он говорил им, как прежде Томасу Мору: речь не о вашем Боге, не о моем Боге, вообще не о Боге. Речь о том, кто для вас главнее: Генрих Тюдор или Алессандро Фарнезе. Король Англии или чужеземец, погрязший в немыслимых пороках? Они отворачивались, не слушали, умирали без звука, когда палач вырезал из груди их лживые сердца.

Когда он наконец въезжает в ворота своего лондонского дома, навстречу выбегают слуги в долгополых ливреях серого мраморного сукна. По правую руку от него Грегори, по левую – Гемфри, псарь, которому поручена забота о его охотничьих спаниелях (за разговором с Гемфри последние мили пути прошли незаметно), сзади его сокольники, крепкие молодцы Хью, Джеймс и Роджер, зорко смотрят, чтобы народ не напирал. Перед воротами толпа ждет милостыни. У Гемфри и остальных наготове кошельки. Сегодня после ужина, как всегда, будут раздавать еду. Терстон, его главный повар, говорит, они кормят две сотни лондонцев два раза в день.

Он видит в толпе сгорбленного рыдающего человечка, едва стоящего на ногах. Щуплая фигурка на миг исчезает в давке, затем появляется вновь, и кажется, будто бедолагу несет к воротам ток собственных слез.

– Гемфри, узнай, из-за чего плачет тот человек, – говорит он.

И тут же забывает в кутерьме домочадцев. Собачонки мельтешат под ногами, он сгребает их в охапку, спрашивает, как дела, они ластятся и виляют хвостом. Слуги обступили Грегори, восхищенно оглядывают от сапог до шляпы – молодого господина все любят за мягкий нрав.

---

¹ Апостольская жизнь (лат.).

«Хозяин!» – племянник Ричард стискивает его в медвежьих объятиях. Ричард – серьезный юноша с кромвелевским взглядом, прямым и жестоким, с кромвелевским голосом, умеющим и ласкать, и возразить. Он не боится ничего на земле и под землей – если в Остин-фрайарз объявится демон, Ричард спустит его с лестницы пинком под волосатый зад.

Племянницы-молодки распустили шнуровку на беременных животах. Он целует обеих, они мягкие, пахнут имбирными леденцами. На него вдруг накатывает тоска... по чему? По отзывчивому на ласки телу, по утренним разговорам о пустяках. Надо быть осторожнее с женщинами, не давать врагам повода для пересудов. Даже король осторожен: не хочет, чтобы в Европе его называли Гарри Греховодником. Может, оттого и предпочитает любоваться недоступной пока мечтой – мистрис Джейн.

В Элветхеме Джейн была как цветок, как зелено-белый морозник с поникшей головкой. В доме брата король похвалил ее перед всей семьей: «Милая, скромная, стыдливая девица, каких нынче мало».

Томас Сеймур всегда норовит встрять в разговор допрежь старшего брата:

– По части благочестия и скромности у Джейн соперниц мало.

Он, Кромвель, приметил, как брат Эдвард прячет улыбку. Сеймуры наконец-то поняли, куда дует ветер, хотя еще не очень верят своему счастью. Томас Сеймур сказал:

– Даже будь я королем, мне бы не хватило духу зазывать в постель такую, как сестрица Джейн. С чего начать? Вот вы бы решились? И зачем? Это ж все равно что целовать камень! Пока будешь ворочать ее на перине, все хозяйство от холода занемеет.

– Ни один брат не может вообразить свою сестру в объятиях мужчины, – говорит Эдвард Сеймур. – По крайней мере если он – христианин. Хотя при дворе болтают, что Джордж Болейн... – Обрывает себя, хмурится. – И уж конечно, король умеет найти галантный подход к девице. Он знает, что сказать. А ты, братец, нет.

Том Сеймур только лыбится.

Однако Генрих так ничего до отъезда не сказал: сердечно распростился со всем семейством, ни словом не упомянув Джейн. Она напоследок шепотом спросила его:

– Мастер Кромвель, зачем я здесь?

– Спросите у своих братьев.

– Мои братья говорят, спроси у Кромвеля.

– Так для вас это полная загадка?

– Да. Разве что меня наконец выдают замуж. Меня выдают за вас?

– Мне придется отказаться от этой мысли. Стар я для вас, Джейн. Я бы мог быть вашим отцом.

– Правда? – удивляется Джейн. – Что ж, в Вулфхолле бывало и не такое. Я даже не догадывалась, что вы знали мою мать.

Мгновенная улыбка, и Джейн исчезает, а он смотрит ей вслед с мыслью: мы могли бы пожениться, я бы сохранял живость ума, постоянно гадая, что она истолкует не так. Интересно, она это нарочно?

Впрочем, теперь я могу получить ее только после Генриха, а я однажды дал себе слово не подбирать женщин, которыми тот попользовался.

Наверное, подумалось ему тогда, надо составить для Сеймуров памятку: какие подарки Джейн может принимать. Правило несложное: драгоценности – да, деньги – нет. И до заключения сделки ничего из одежды при Генрихе не снимать. Даже, он бы посоветовал, перчаток.

Недоброжелатели называют его дом Вавилонской башней. Говорят, у него есть слуги из всех уголков мира, кроме Шотландии, так что шотландцы вечно обивают порог кромвелевского дома в надежде получить работу. Джентльмены и даже аристократы, английские и европейские, уговаривают его взять к себе их сыновей, и он берет столько, сколько сможет обучить.

Каждый день в Остин-фрайарз пяток немецких ученых разбирают письма от своих соотечественников-евангелистов, и каждый из пятерых говорит на своем диалекте. За обедом молодые кембриджцы перебрасываются греческими цитатами; он, Кромвель, помог им учиться, теперь они помогают ему. Иногда на ужин заглядывают итальянские купцы, и он болтает с ними на языках, которые выучил, исполняя поручения банкиров в Венеции и во Флоренции. Служащие его соседа Шапюи хохочут, что объедают и опивают Кромвеля, сплетничают на испанском и на фламандском. Сам он говорит с Шапюи на французском, родном языке посла; на другой версии французского, простонародной, отдает приказания Кристофу, коренастому маленькому разбойнику, увязавшемуся за ним в Кале. Кристофа нельзя отпускать ни на шаг, потому что где Кристоф, там и драки.

Надо наверстать целое лето сплетен, проверить счета, траты и доходы от своих домов и земель. Но прежде всего он идет на кухню к главному повару. Сейчас послеобеденное затишье: вертела вычищены, котлы отдраены и составлены один в другой, пахнет гвоздикой и корицей, Терстон стоит у посыпанной мукой доски и глядит на ком теста, как на голову Крестителя. На тесто ложится тень.

– Пшел вон! Чернила прежде с пальцев отмой! – орет повар. Затем другим голосом: – А! Вы, сэр. Вовремя. Мы вас ждали раньше, наготовили пирогов с дичью, пришлось скормить их вашим друзьям, не то бы испортились. Мы бы вам их отравили, да вас поди поймай.

Он протягивает руки, показывает, что на них нет чернил.

– Не сердчайте, сэр. Просто с утра юный Томас Авери сует нос в припасы, хочет все взвесить. Потом мастер Рейф: Терстон, у нас будут датчане, что ты приготовишь для датчан? Следом врывается мастер Ричард, едут посланцы от Лютера, какими пирогами лучше кормить немцев?

Он трогает тесто, спрашивает:

– Это для немцев?

– Для кого бы ни было, получится хорошо – съедите.

– Айву собрали? Чуют мои кости, скоро заморозки.

– Вы б себя послушали. Говорите, будто ваша бабка.

– Я ее не знал. А ты?

Терстон хмыкает:

– Приходская пьянчужка?

Очень может быть. Выкормить его отца Уолтера и не спиться – это надо быть святой. Терстон говорит, как будто его только что осенило:

– У человека ведь две бабки. Вы по матери кто, сэр?

– Ее семья была с севера.

Терстон ухмыляется:

– Ага, из пещер. Знаете, что говорит молодой Фрэнсис Уэстон? Тот, что прислуживает королю. Его люди распускают слухи, будто вы – жид.

Он сопит; о таком ему говорят не в первый раз.

– Следующий раз как будете при дворе, – советует Терстон, – выложите своего одноглазого на стол и посмотрите, что скажет Уэстон.

– Обязательно выложу, как только надо будет оживить разговор.

– Вообще-то... – Терстон мнется. – Вы ведь и правда жид, сэр, поскольку ссужаете деньги под проценты.

Под растущие проценты, в случае Уэстона. Он вновь трогает тесто – вроде немного твердовато?

– А что говорят на улицах?

– Говорят, старая королева больна. – Терстон ждет, но его хозяин взял пригоршню коринки и ест ягоды одну за одной. – Я слышал, она болеет сердцем. Говорят, она прокляла

Анну Болейн, так что та не может родить мальчика. Или если родит, то не от короля. Говорят, у Генриха есть другие женщины и будто бы Анна бежит за ним по спальне с овечьими ножницами, грозит его охолостить. Королева Екатерина, как все жены, закрывала глаза на его измены, но Анна не хочет терпеть, обещает, что он поплатится. А какая будет лучшая месть? – Терстон смеется. – Наставить Генриху рога и посадить на престол своего ублюдка.

Ох уж эти лондонцы, что ни человек, то глубокий ум – глубокий, как выгребная яма.

– А говорят, кто будущий отец ее ребенка?

– Томас Уайетт? – предполагает Терстон. – Она к нему благоволила до того, как стать королевой. Или ее прежний любовник Гарри Перси...

– Перси же у себя в Нортумберленде, разве нет?

Терстон закатывает глаза:

– Что ей расстояние? Захочет – свистнет и перенесет его по воздуху. Да она одним Гарри Перси не удовольствуется. Говорят, у нее перебивали все королевские джентльмены. Она ждать не любит, так что они все стоят у двери в рядок, наяривают свое добро, пока она не крикнет: «Следующий!»

– И они входят. Один за другим. – Он смеется. Доедает с ладони последнюю изюмину.

– Добро пожаловать назад в Лондон, – говорит Терстон. – Мы тут верим всему на свете.

– Помню, вскоре после коронации Анна созвала своих приближенных и слуг, мужчин и женщин, и прочла им наставление, как себя вести: играть только на фишки, срамных слов не говорить, тела не заголять. Согласен, теперь все не так строго.

– Сэр, – говорит Терстон, – у вас мука на рукаве.

– Ладно, пойду наверх, буду заседать в совете. Смотри не запоздай с ужином.

– Когда это я запаздывал? – Терстон заботливо стряхивает с него муку. – Хоть раз такое было?

Совет не государственный, а семейный, и заседают в нем Рейф Сэдлер и Ричард Кромвель, сообразительные, умеющие быстро сосчитать, быстро найти ошибку, быстро ухватить суть. И еще Грегори. Его сын.

В этом сезоне юноши ходят с сумками мягкой кожи, как у агентов банка Фуггера, которые колесят по всей Европе и задают моду. Сумки в форме сердца, и ему всегда кажется, что молодые люди идут к возлюбленным, но те клянутся, что ничего подобного. Племянник Ричард Кромвель ехидно глядит на сумки. Сам Ричард, как и дядя, все ценное носит ближе к телу.

– А вот и Зовите-меня, – говорит племянник. – Только гляньте, что за перо у него на шляпе!

Томас Ризли входит, оставляя за дверью помощников. Это рослый красавец с темно-рыжими волосами. Его отец и дед носили фамилию Рит, но сочли, что она чересчур проста; оба служили в геральдической палате, так что имели возможность превратить обычных предков в благородных, а простую фамилию – в более звучную, хотя длинное «Риотеслей» быстро сократилось до «Ризли». Перемена вызвала много шуток; в Остин-фрайарз к Томасу приклеилось прозвище Зовите-меня. За последнее время тот стал отцом, отрастил бородку и вообще с каждым годом выглядит все солиднее и солиднее. Зовите-меня кладет сумку на стол, садится в кресло, спрашивает:

– Как дела у Грегори?

Грегори расцветает – мальчик редко удостоивается приветливых слов от своего кумира.

– У меня все прекрасно. Все лето я охотился, а сейчас вернусь в дом к Уильяму Фицуильяму. Этот джентльмен приближен к королю, и отец считает, мне надо у него поучиться. Фиц меня любит.

– Фиц! – прыскает Ризли. – Ах уж эти Кромвели!

– А он зовет моего отца Сухарем.

– Не перенимайте эту манеру, Ризли, – добродушно говорит он. – Или по крайней мере не зовите меня так в лицо. Хотя я только что с кухни, и королеву там называют куда худшими словами.

Ричард говорит:

– Это все женщины сочиняют гнусные сплетни. Они не любят разлучниц и желают Анне зла.

– Когда мы уезжали, она была костлява, – неожиданно говорит Грегори. – Локти, углы и колючки. А сейчас стала поглаже.

– Да. – Он удивлен, что юноша это заметил. Семейные мужчины, опытные, приглядываются к Анне – не располнела ли – внимательнее, чем к собственным женам. За столом общее оживление. – Что ж, увидим. Они были вместе не все лето, но, насколько я могу судить, достаточно долго.

– Хорошо, коли так, – говорит Ризли. – Сколько лет король ждет, что его жена исполнит свой долг? Анна обещала сына, если он на ней женится, и теперь, думаешь, стал бы король добиваться ее с тем же упорством, если пришлось бы все повторить снова?

Ричард Рич заявляется последним, бормочет извинения. Этот Ричард тоже без сумки в форме сердца, хотя в свое время непременно завел бы пяток, разного цвета. Сколько изменений за десять лет! Рич когда-то был студентом-правоведом худшего сорта, из тех, кто шляется по злачным местам, где юристов зовут кровососами, и потому вынужден лезть в драки; кто возвращается в Темпл под утро, дыша винными парами, в изорванной одежде; кто с воплями гоняет терьеров по полям у Линкольнз-инн. Теперь Рич остепенился, служит у лорд-канцлера Томаса Одли, постоянно бывает у Томаса Кромвеля по делам своего патрона. Мальчишки зовут его сэр Кошель, говорят, Кошель-то наш толстеет. На плечах Рича лежат государственные обязанности и забота о растущем семействе; когда-то он был хорош, как вербный херувим, теперь немного запылится. Кто бы думал, что этот шалопай станет генеральным атторнеем? Однако у него хорошая голова, и, когда нужен дельный юрист, Рич всегда под рукой.

– Книга Гардинера не отвечает вашим целям, – начинает Рич. – Сэр...

– Она не во всем плоха. О королевской власти мы думаем одинаково.

– Да. Но...

– Я счел нужным процитировать ему этот текст: «Где слово царя, там и власть; и кто речет ему „что твориши“?»

Рич поднимает брови:

– Парламент, конечно.

Ризли говорит:

– Уж мастер Рич нам точно расскажет, что может парламент.

Именно на вопросе о власти парламента Рич поймал Томаса Мора, завлек в ловушку, заставил произнести изменнические слова. Никто не знает, что именно прозвучало в камере; Ричард вышел из Тауэра красный до ушей, не смея верить своему счастью, и отправился напрямиком к нему, Томасу Кромвелю, а тот ответил спокойно: да, это годится, теперь он наш, спасибо. Спасибо, Кошель, поздравляю, молодец.

Теперь Ричард Кромвель подается к своему тезке:

– Скажи нам, дружок Кошель, может ли парламент вложить наследника в живот королеве?

Рич слегка розовеет; из-за тонкой кожи он в свои почти сорок не утратил способности краснеть.

– Я не говорил, будто парламент может то, чего не может Бог. Я сказал, он может больше, чем позволяет Томас Мор.

– Мученик Мор, – говорит он. – Из Рима пишут, что его и Фишера прославят в лике святых.

Мастер Ризли смеется.

– Согласен, что это смешно. – Он быстро смотрит на племянника: довольно пока о королеве, ее животе и других органах.

Ричард Кромвель кое-что знает, с его слов, о событиях в Элветхеме, в доме Эдварда Сеймура. Когда король внезапно изменил маршрут, Эдвард расстарался и устроил ему роскошный прием. Однако Генрих в ту ночь не мог уснуть и отправил щенка Уэстона разбудить государственного секретаря. Пляшущий огонек свечи, непривычная комната. «Боже, который час?» Шесть утра, злорадно ответил Уэстон, вы заспались.

На самом деле не было четырех, еще не начало светать. В комнате с открытым ставнем, под взглядом одних лишь звезд (Генрих не начинал разговор, пока Уэстон не закрыл за собой дверь, – спасибо и на том), взволнованный шепот: «Кромвель, а что, если бы?.. Что, если бы я боялся, если бы начал подозревать в моем браке с Анной какой-то изъян, какое-то нарушение, неугодное Всемогущему Богу?»

Десяти лет как не бывало: он кардинал, слушающий те же слова, только королеву тогда звали Екатериной.

– Но какое нарушение? – устало спрашивает он. – Что это может быть, сэр?

– Не знаю, – шепчет король. – Сейчас не знаю, но, возможно, оно есть. Разве она не была помолвлена с Гарри Перси?

– Нет, сэр. Он поклялся на Библии, что не была. Ваше величество слышали своими ушами.

– Но ведь вы, Кромвель, его заставили, разыскали в каком-то жалком кабаке, схватили за грудки, стукнули по голове кулаком.

– Нет, сэр. Я не позволил бы себе так обойтись ни с одним пэром королевства, тем паче с графом Нортумберлендом.

– Ладно, рад слышать. Мне могли неправильно передать частности. Но в тот день граф сказал то, что, по его мнению, я хотел услышать. Что между ним и Анной ничего не было, никаких обещаний пожениться, а уж тем более супружеской близости. Что, если он солгал?

– Под присягой, сэр?

– Вы очень грозны, Сухарь; глядя на вас, человек может позабыть об учтивости перед Богом. Что, если он солгал? Что, если Анна заключила с Перси контракт, равноценный законному браку? Если так, она не имела права выходить за меня.

Он молчал, но видел, как мысли ворочаются у Генриха в голове; его собственные мысли мчали вспугнутыми оленями.

– И у меня подозрения, – продолжал король, – большие подозрения насчет нее и Томаса Уайетта.

– Нет, сэр, – с жаром отвечает он, не задумываясь. Уайетт – его друг. Отец – сэр Генри Уайетт – поручил ему заботу о мальчике. Томас уже не мальчик, но все равно.

– Вы говорите «нет». – Генрих наклоняется к нему. – Но разве Уайетт не потому сбежал в Италию, что Анна была к нему жестока, а он не находил покоя, покуда мог на нее смотреть?

– Ну вот, вы сами сказали, ваше величество. Она была к нему жестока. Если бы она уступила его любви, он бы остался.

– Однако я не могу знать наверняка, – упорствует Генрих. – Может, она отказала ему один раз, но уступила в другой? Женщины слабы и падки на лесть. Особенно когда мужчины пишут им стихи, а некоторые говорят, что стихи Уайетта лучше моих, хоть я и король.

Он только моргает. Ночь-полночь, все люди спят. Можно назвать это невинным тщеславием, но не в четыре же часа утра!

– Ваше величество, не тревожьтесь. Если бы Уайетт хоть в чем-нибудь нарушил безупречное целомудрие этой дамы, он бы не преминул раструбить о своей победе. В стихах и в прозе.

Генрих только сопит, но он, Кромвель, поднимает глаза: за окном скользит щегольская тень Уайетта, закрывает холодные звезды. Прочь, призрак! Это шутки фантазии: кто поймет Уайетта, кто отпустит ему грехи? Король говорит:

– Ладно. Возможно. Даже если она уступила Уайетту, это не препятствие к нашему браку, поскольку контракта между ними быть не могло: Уайетта женили мальчишкой, и он не имел права ничего Анне обещать. Однако это значило бы, что она меня обманула: сказала, что легла в мою постель девственницей, хотя на самом деле это не так.

Вулси, где вы? Вы слышали все то же самое много лет назад. Посоветуйте, как быть.

Он встал, направляя разговор к завершению:

– Сказать, чтобы вам чего-нибудь принесли? Чего-нибудь, что поможет вам вновь уснуть на час или на два?

– Мне нужно что-нибудь против тягостных снов. Не знаю, что именно. Я советовался по этому поводу с епископом Гардинером.

Он постарался не показать, что неприятно изумлен. С Гардинером? У меня за спиной?

– И Гардинер ответил, – продолжал король (лицо – аллегория скорби), – что сомнений в этом деле довольно много, но что если брак незаконен, если я вынужден буду расторгнуть союз с Анной, то мне надо вернуться к Екатерине. А я не могу, Кромвель. Я не прикоснусь к этой дряблой старухе, хоть бы против меня ополчился весь христианский мир.

– Что ж, – ответил он, глядя в пол, на большие белые ноги Генриха, – думаю, все не так плохо, сэр. Не буду утверждать, что понял доводы Гардинера, но епископ, разумеется, разбирается в каноническом праве лучше меня. Впрочем, я не верю, что вас можно к чему-либо принудить или в чем-либо ограничить, поскольку вы хозяин в собственной семье, в собственной стране, в собственной церкви. Возможно, Гардинер всего лишь подготовил вас к возражениям, которые выдвинут другие.

А может, просто хотел, чтобы вы ночами просыпались в холодном поту. На Гардинера похоже. Однако Генрих уже выпрямился.

– Я могу делать, что мне угодно, – объявил монарх. – Господь не попустит, чтобы мои желания противоречили Его замыслам или чтобы мои замыслы шли вразрез с Его волей. – На лице промелькнуло хитроватое выражение. – Вот и Гардинер так сказал.

Генрих зевнул: пора уходить.

– Сухарь, вы не слишком презентабельно выглядите, когда кланяетесь в ночной рубашке. Будете готовы выехать в семь или оставить вас здесь и встретимся за ужином?

Если вы будете готовы, буду готов и я, думал он, шлепая обратно в спальню. Скоро рассвет; вспомните ли вы о нашем разговоре? Кони будут бить копытами, фыркать, встряхивать гривой. Ближе к полудню встретимся с королевой и ее свитой. Анна будет щебетать, сидя на охотничьем скакуне, и не узнает (если только дружок Уэстон ей не шепнет), что вчера в Элветхеме король весь вечер смотрел на следующую пассию: Джейн Сеймур, которая, не поднимая глаз, методично кушала цыпленка. Грегори только глазами хлопал: «Что это мистрис Сеймур так много ест?»

А теперь лето кончилось. Вулфхолл, Элветхем растаяли в дымке. Государевы страхи и сомнения – тайна за печатью на его устах. Осень, он в Остин-фрайарз, слушает, опустив голову, придворные новости, смотрит, как Рич теребит шелковую завязку на документе.

– Их слуги задирают друг друга на улице, – говорит племянник Ричард. – Прикладывают палец к носу, выкрикивают оскорбления, хватаются за кинжалы.

– Чьи слуги, извини? – спрашивает он.

– Николаса Кэрю. Задирают слуг лорда Рочфорда.

– Лишь бы не во дворце, – резко говорит он. Тому, кто обнажит клинок в королевском жилище, отрубают правую руку. Собирается спросить: «Что они не поделили?» – но тут же меняет вопрос: – Что стало поводом?

Ибо вообразите Кэрю, старейшего из королевских друзей, глубоко преданного королеве, узолице и серьезного. Представьте себе этот образчик древнего вежества, прямиком из рыцарской баллады. Мудрено ли, что сэр Николас, воспитанный в строгих приличиях и ждущий того же от других, не приемлет амбиций выскочки Болейна. Сэр Николас – папист до кончиков шпор; то, что Джордж поддерживает реформатов, ему как кость в горле. Им есть за что друг друга ненавидеть, но что стало причиной конкретной ссоры? Может, Джордж со своими беспутными друзьями буянил под дверью у сэра Николаса, когда тот был занят ответственным делом – любовался собой в зеркале?

Он прячет улыбку:

– Рейф, поговори с обоими джентльменами. Пусть держат своих псов на поводке. – И добавляет: – Хорошо, что ты об этом сказал.

Ему всегда интересно знать о ссорах между придворными.

Вскоре после того, как Анна стала королевой, ее брат вызвал его к себе и дал указания, как вести себя впредь. Джордж Болейн щеголял новой золотой цепью. Он мысленно взвесил ее, мысленно снял с молодого Болейна джеркин, распорол, свернул ткань в рулон и оценил: кто торговал сукном, сохраняет наметанный глаз, а тот, кому поручено пополнить казну, быстро научается считать деньги в чужом кармане.

Молодой Болейн заставил его стоять, а сам расположился в единственном кресле.

– Не забывайте, Кромвель: вы хоть и советник короля, но не джентльмен по рождению. Говорите, когда вас просят, когда не просят – молчите. Не встревайте в дела высших. Королю угодно часто приглашать вас к себе, но извольте помнить, кто ввел вас во дворец.

Занятная у Джорджа Болейна версия. Он, Кромвель, всегда думал, что Вулси его обучил, Вулси приблизил к трону, Вулси сделал тем, кто он теперь, но Джордж утверждает: нет, Болейны. Очевидно, он еще не выказал должной признательности, так что выказывает сейчас, говорит: да, сэр, конечно, сэр, вижу, вы рассудительны не по годам, сэр. Даже ваш отец монсеньор граф Уилтшир и ваш дядюшка Томас Говард, герцог Норфолк, не смогли бы наставить меня лучше.

– Спасибо за вашу доброту, сэр, отныне я буду вести себя смиреннее.

– Ну то-то, – смягчился Джордж.

Он улыбается, вспоминая тот разговор, смотрит в список того, что хотел обсудить, – остались ли еще пункты? Грегори не может сидеть спокойно: то на кузена Ричарда глянет, то на отца, то на Зовите-меня-Ризли, то на других джентльменов. Ричард Рич хмурится над бумагами, Зовите-меня крутит в руке перо. Скользкие люди эти двое, Ризли и Рич, и кое в чем схожи: простукивают стену собственной души – что там за глухой звук? Однако он должен находить королю новых даровитых помощников, а они оба проворные, цепкие, не жалея сил служат короне и собственным интересам.

– И последнее, пока мы не разошлись, – говорит он. – Милорд епископ Винчестерский так угодил королю, что по моему совету король вновь отправляет его с посольством во Францию. Ожидается, что посольство будет долгим.

Все медленно расцветают улыбками. Он наблюдает за Ризли. Зовите-меня обязан Гардинеру своим возвышением, но сейчас, судя по лицу, радуется не меньше других. Рич краснеет, вскакивает, пожимает ему руку.

– Снарядите его в дорогу, – говорит Рейф, – и не пускайте обратно. Гардинер лукав.

– Лукав? Его язык – трезубец для угриной охоты. Вчера он за папу, сегодня за Генриха, завтра, помяните мое слово, вновь будет за папу.

– А можно доверить ему переговоры?

– Он будет делать то, что ему выгодно, а сейчас ему выгодно угождать королю. И мы будем за ним приглядывать, приставим к нему кого-нибудь из наших людей. Мастер Ризли, вы об этом позаботитесь?

Только Грегори еще сомневается:

– Милорд Винчестер – посол? Фицуильям мне говорит, главное для посла – никого не раздражать.

– А Стивен только и делает, что всех раздражает, – соглашается он.

– Разве послу не положено быть живым и обходительным? Так говорит мне Фицуильям. Посол должен быть приятен в любом обществе, легко поддерживать беседу, располагать к себе хозяев. Так что он навещается к ним в гости, сидит с ними за трапезой, заводит дружбу с их женами и детьми, подкупает домашних подарками и лестью.

Рейф вскидывает брови:

– Так тебя Фиц этому учит?

Молодые люди смеются.

– Все верно. Именно так должны действовать послы. Надеюсь, Грегори, Шапюи тебя еще не подкупил? Будь у меня жена, Эсташ слал бы ей сонеты и носил кости моим собакам. А, ладно... Шапюи, как ты знаешь, обходителен, не то что Стивен Гардинер. Но дело в том, Грегори, что во Франции нам нужен твердый посол, желчный и злой. А Стивен там уже был и хорошо себя показал. Французы – лицемеры, заводят с тобой фальшивую дружбу и требуют за нее денег. Понимаешь, – терпеливо объясняет он (надо же заняться обучением сына), – сейчас французы намерены отнять у императора герцогство Миланское и просят у нас средств на войну. И мы должны их поддержать, хотя бы для виду, иначе они переметнутся на сторону императора и завоюют нас. Так вот, когда они скажут: «Давайте обещанное золото», – нам нужен посол вроде Стивена, который скажет, не поведя бровью: «Золото? Просто вычтите его из прежнего долга Генриху». Франциск будет плевать огнем, но формально мы выполним обещание. Теперь понял? Мы отправляем ко французскому двору самых свирепых наших бойцов. Вспомни, когда-то послом в Париже был милорд Норфолк.

Грегори кивает изо всех сил:

– Всякий чужестранец испугается Норфолка.

– Всякий англичанин тоже. И правильно сделает. Так вот, герцог вроде тех исполинских пушек, что есть у турок. Дыма и грохота много, но до следующего выстрела она должна три часа остывать. А епископ Гардинер может палить через каждые десять минут, с рассвета до заката.

– Однако, сэр, если мы пообещаем им денег, а потом не заплатим, что они сделают?

– К тому времени, надеюсь, мы с императором вновь будем лучшими друзьями. – Он вздыхает. – Это старая игра, и мы обречены в нее играть, покуда я не придумаю что-нибудь получше. Или король не придумает. Слышал о недавней победе императора? О взятии Туниса?

– Весь мир только об этом и говорит, – отвечает Грегори. – Каждый христианский рыцарь мечтал бы там оказаться!

Он пожимает плечами:

– Время покажет, насколько славной была победа. Барбаросса найдет другой порт, из которого будут совершать пиратские набеги. А вот турки на время притихнут, так что император может не думать о них и напасть на наши берега.

– А как мы его остановим? – испуганно спрашивает Грегори. – Надо, наверное, вернуть королеву Екатерину?

Зовите-меня смеется:

– Грегори начинает понимать сложности нашего ремесла, сэр.

– Мне больше нравилось, когда мы говорили про нынешнюю королеву, – тихонько произносит Грегори. – И я первый заметил, что она округлилась.

Зовите-меня говорит ласково:

– Мне не следовало смеяться. Ты прав, Грегори. Все наши труды, все наши ухищрения, все наши знания, истинные и показные, все государственные стратагемы, все постановления юристов и проклятия церковников, все вердикты судов, мирских и священных, – все вместе и

каждое по отдельности побеждается женским телом. Бог мог бы сделать их животы прозрачными, избавив нас от страхов и ложных надежд, но, возможно, то, что растёт, должно расти в темноте.

– Говорят, Екатерина болеет, – говорит Ричард Рич. – Если она умрет в этом году, хотел бы я знать, что будет с миром.

Однако послушайте, мы засиделись в доме! Давайте выйдем и прогуляемся по садам Остин-фрайарз, гордости секретаря государственного совета. Он хочет выращивать цветы, которые видел в странствиях, сочные заморские плоды, поэтому все время просит послов присылать ему с дипломатической почтой саженцы. Молодые клерки стоят рядом, готовые взяться за расшифровку, а из пакета выпадает ком земли с корнями, благополучно пережившими путешествие через Дуврский пролив.

Он хочет, чтобы черенки принимались, чтобы молодые люди были здоровы и веселы. Поэтому он выстроил теннисный корт в подарок Грегори, Рейфу и всем юношам в доме. Он и сам не прочь сыграть... «если найду хромого соперника» – его обычные слова. В игре едва ли не главное – тактика, а он подволакивает ногу и должен полагаться больше на умение, чем на скорость. И все равно Кромвель гордится своим кортом, ему приятно тратить деньги на улучшения. Недавно он беседовал со служителями королевского теннисного двора в Хэмптон-корте, узнал точные промеры и сделал у себя в точности так же. Генрих как-то обедал в Остин-фрайарз – вдруг когда-нибудь захочет сыграть там в теннис.

В Италии, когда он служил у Фрескобальди, молодые люди жаркими вечерами играли на улице во что-то вроде тенниса – жё-де-пом, без ракетки, просто рукой. Они толкались, вопили, отбивали мяч от стены, перекидывали через навес перед лавкой портного, пока сам портной не выходил и не начинал браниться: «Если не будете уважать мой навес, я отстригу вам яйца и повешу перед входом на ленте». Они говорили: «Извини, хозяин, извини» – и убегали играть в задний двор, но через полчаса возвращались. Ему и сейчас иногда снится стук грубо сшитого мяча о металл, ощущение плотного кожаного шара, ударяющего в ладонь. Тогда он старался бегать, чтобы разработать ногу после раны, полученной год назад при Гарильяно. Гардзони² спрашивали: «Скажи, Томмазо, почему у тебя рана с задней стороны икры, ты что, убегал?» А он говорил: «Матерь Божия! Да конечно! Мне заплатили только за то, чтобы я убегал; чтобы я сражался, надо было платить больше!»

После битвы французы разбежались, а он был в ту пору французом, получал жалованье от французского короля. Сперва он полз, затем ковылял; они с товарищами уносили израненные ноги от победоносных испанцев, выкарабкивались из кровавого болота на твердую почву – дикие валлийские лучники, наемники-швейцарцы и несколько английских мальчишек вроде него. Растерянные, без гроша в кармане, они кое-как приходили в себя, решали, куда идти, забирались все дальше к северу, меняли, если нужно, имена и национальность, выискивали следующую битву или работенку побезопаснее.

У заднего крыльца большого городского дома эконом задавал ему вопросы:

– Француз?

– Англичанин.

Тот закатил глаза:

– И что ты умеешь?

– Сражаться.

– Видать, не слишком-то хорошо.

– Готовить.

– Нам варварская готовка ни к чему.

---

² Мальчишки (*ит.*).

- Подбивать счета.
- Это банкирский дом, у нас счетоводов своих хватает.
- Скажите, что надо, и я сделаю.

(Он уже хвастается, как итальянец.)

- Нам нужен работник. Как твое имя?

– Геркулес, – говорит он.

Эконом против воли смеется:

- Заходи, Эрколе.

Эрколе, хромая, переступает порог. Эконом возвращается к своим делам. Он садится на ступеньку, чуть не плача от боли. Оглядывается, но видит только пол. Пол – его мир. Он голоден, хочет пить, он в семистах милях от дома. Однако этот пол можно сделать лучше.

- Святые угодники! – кричит он. – Воду сюда! Ведро! *Allez, allez!*³

Они бегут. Приносят ведро. Он улучшает пол. Он улучшает дом. Не без помех – его гоняют с кухни (пшел вон, поганый чужеземец!) – где столько всего, что может служить оружием: ножи, вертела, горшки с кипятком. Однако он дерется лучше, чем можно угадать по виду: коротышка, а с ног не собьешь. И еще за ним грозная слава его соотечественников: вся Европа знает англичан как грабителей, насильников и воров. Когда ему не хватает итальянских ругательств, он пускает в ход родные, учит других слуг страшным английским богохульствам, чтобы те облегчали душу за спиной у хозяев. Когда хорошенькая девушка входит с корзинкой мокрых от росы тимьяна и розмарина, они говорят: «Здравствуй, дарлинг, как поживаешь», когда кто-нибудь не вовремя лезет под руку, цедят: «Годдем!»

Вскоре он понял, что судьба привела его в дом старинной флорентийской фамилии, давшей миру не только ростовщиков и торговцев вином, шелком и шерстью, но и прославленных поэтов. Хозяин Франческо Фрескобальди как-то заглянул на кухню побеседовать с новым слугой. Хозяин немного говорил по-английски и не разделял общих предрассудков касательно англичан, хотя и упомянул: его предки едва не разорились из-за того, что некие давно умершие английские короли не вернули им долг. Синьор Франческо сказал: для твоих соотечественников работа есть всегда, столько писем надо писать, надеюсь, ты грамотный? Как только он, Томмазо или Эрколе, научился изъясняться по-тоскански и отпускать шутки, Фрескобальди пообещал: когда-нибудь я позову тебя в контору. Испробую, на что ты годишься.

Этот день настал. Его испытали и признали годным. Из Флоренции он отправился в Венецию, оттуда – в Рим; когда ему снятся эти города (а это иногда бывает), в нем до конца дня бродят юношеские дрожжи итальянского куража, итальянского бахвальства. Он вспоминает себя, тогдашнего, без снисхождения, но и не порицает. Человек делает то, что диктуют обстоятельства, а если задним числом иные его решения можно назвать сомнительными... что ж, на то и молодость. Теперь он берет в дом бедных студентов-богословов. Для них всегда найдется уголок, где можно строчить трактаты о разумном управлении государством или переводить псалмы. Однако он берет и других – неотесанных молодчиков, потому что сам был таким и знает: они будут ему верны, надо лишь проявить терпение. Он и сейчас любит Фрескобальди как отца. В браке сильное чувство уступает место привычке, дети становятся дерзкими и непослушными, но хороший хозяин дает больше, чем забирает, и его доброта ведет тебя по жизни. Вспомни Вулси. Кардинал в голове нашептывает: «Я видел вас в Элветхеме, Сухарь, когда вы чесали себе яйца и дивились неумности королевских причуд. Если Генрих хочет новую жену, обстригайте это дело. Я не сумел, и я мертв».

Пирог у Терстона, видать, не удался, поскольку к ужину их не подают, зато приносят великолепное желе в форме замка. «У Терстона патент на строительство укреплений», – гово-

---

³ Здесь: Живей-живей! (фр.)

рит Ричард Кромвель и тут же принимается через стол спорить с гостем-итальянцем, какая форма лучше для форта: круглая или звездчатая.

Замок из белых и красных полос: красные темно-малиновые, белые совершенно прозрачны, так что стены словно парят. В амбразуры смотрят съедобные лучники, луки и стрелы у них из карамели. Даже генеральный атторней улыбается:

– Жалко, мои девочки этого не видят.

– Я пришлю вам формы. Хотя, может быть, лучше не форт? Цветочный сад?

Что нравится маленьким девочкам? Он позабыл.

После ужина, если в дверь не стучат посыльные из дворца, он обычно урывает часок на чтение. Книги у него в каждом доме: в Остин-фрайарз, в здании архива на Ченсери-лейн, в Стипни, в Хакни. Сейчас книги пишут обо всем. Как стать хорошим государем и как – дурным. Стихи и советы, как вести бухгалтерию, сборники фраз, которые могут пригодиться в чужой стране, словари, книги о том, как очистить свои грехи, и о том, как сохранять рыбу. Его друг, врач Эндрю Борд, пишет книгу о вреде бород. Он вспоминает слова Гардинера: «Вам самому следует написать книгу. Достойный выйдет труд».

Если он напишет, это будет «Книга под названием Генрих»: как читать короля, как ему служить, как лучше его сохранять. В голове складываются фразы предисловия: «Кто сочтет качества, личные и общественные, сего благословеннейшего мужа? Меж служителями церкви он набожен, меж воителями отважен, меж книжниками многообразно сведущ, меж придворными учтив и галантен; всеми этими достоинствами король Генрих наделен в столь высокой мере, что подобных ему не было от начала времен».

Эразм утверждает, что в государе надо превозносить даже отсутствующие добродетели, ибо лезть заставит его думать, и монарх, возможно, воспитают в себе качества, которых пока лишен.

Дверь открывается. Это слуга-валлиец, совсем мальчик, входит бочком:

– Я принес свечи, сэр. Уже пора?

– Да, давно пора.

Свет дрожит, потом перламутровыми кругами замирает на темной столешнице.

– Видишь табурет? Садись.

Мальчишка плюхается на табурет. С утра в беготне по хозяйству, умаялся. Почему маленькие ноги вечно должны работать вместо больших? Сгоняй наверх, принеси мне... По молодости это лестно – чувствуешь себя нужным, даже незаменимым. Он вечно бегал по Патни с поручениями Уолтера. Недоумок. Пусть мальчик немного посидит, отдохнет.

– В детстве я немного говорил по-валлийски, теперь не могу.

Он думает: это бляение пятидесятилетнего старика. Валлийский, теннис, раньше я мог, теперь не могу. Зато знаний в голове куда больше, и уложены они аккуратнее, сердце прочнее, выдержит любой удар. Сейчас ему предстоит инспектировать валлийские владения королевы; по этой и по более веским причинам княжество Уэльс занимает в его мыслях большое место.

– Расскажи о себе, – говорит он мальчику. – Расскажи, как сюда попал.

Из ломаных английских фраз складывается история. Поджог, угоны скота – обычная приграничная повесть со всегдашним финалом: нищета и сиротство.

– Можешь прочесть «Патер ностер»? – спрашивает он.

– «Патер ностер», – повторяет мальчик. – Это «Отче наш».

– На валлийском.

– Нет, сэр. На валлийском нет молитв.

– Господи Иисусе! Я найду человека, который их напишет.

– Пожалуйста, сэр. Тогда я смогу молиться за отца с матерью.

– Знаешь Джона ап Райса? Он был сегодня за ужином.

– Муж вашей племянницы Джоанны, сэр?

Мальчишка вскакивает и убегает. Маленькие ноги снова в работе. Он мечтает, что все валлийцы заговорят по-английски, но пока это не достигнуто, им нужна Божья помощь. Разбойники хозяйничают в княжестве, угрозами и взятками выбираются из тюрьмы, пираты опустошают побережье. Норрис, Брертон и другие королевские джентльмены, чьи владения находятся в Уэльсе, всеми силами мешают ему, Кромвелю, усилиям, хотят и дальше распоряжаться на своей земле безнадзорно. Им законность ни к чему, а он хочет, чтобы законы были едины для всей страны, от Эссекса до Англси, от Корнуолла до шотландской границы.

Райс приносит с собой бархатную шкатулку, ставит на стол:

– Подарок. Угадайте – что?

Он трясет шкатулку. Что-то вроде зерна. Трогает пальцами серые чешуйки. Райс недавно из монастыря, куда ездил по его поручению.

– Это же не зубы святой Аполлонии?

– Вторая попытка.

– Зубья от гребня Марии Магдалины?

– Обрезки от ногтей святого Эдмунда, – говорит Райс.

– А... Ссыпьте их вместе с остальными. У него было пятьсот пальцев, никак не меньше.

В 1257 году в Тауэрском зверинце умер слон, и его похоронили рядом с часовней, однако на следующий год откопали и перенесли в Вестминстерское аббатство. Спрашивается, что там сделали с останками слона, если не напилили из него тонну мощей, не превратили слоновьи кости в кости святых?

Хранители мощей уверяют, что реликвии способны умножаться, не теряя в святости. Кость, дерево и камень, как и звери, дают потомство, сохраняющее все свойства родителей. Терновый венец расцветает. Крест Христов дает побеги, словно живое дерево. Несшитый хитон Спасителя тклет свои подобию. От ногтей родятся новые ногти.

Джон ап Райс говорит:

– Доводы разума на этих людей не действуют. Пытаешься открыть им глаза, а против тебя выставляют каменных мадонн, плачущих кровавыми слезами.

– А потом утверждают, будто я использую мошеннические приемы. – Он задумывается. – Джон, тебе придется засесть за работу. Твоим соотечественникам нужны молитвы.

– Им нужна Библия на родном языке, сэр.

– Давай прежде я заручусь королевским благословением на Библию для англичан.

Это его каждодневная скрытая борьба: чтобы Генрих поддержал английское издание Библии, по книге в каждую приходскую церковь. Цель уже близка, и он верит, что добьется своего. Его идеал: единая страна, единая государственная монета, единая система мер и весов, а главное – общий язык, на котором говорят все. Не надо ехать в Уэльс, чтобы тебя не поняли. Есть места меньше чем в пятидесяти милях от Лондона, где на твою просьбу поджарить селедку ошалело вытаращат глаза. Только если изобразить из себя рыбу и ткнуть пальцем в сковороду, тебе скажут: а, теперь ясно.

А больше всего он желает для Англии согласия между государем и народом. Он не хочет, чтоб страна управлялась как дом Уолтера в Патни: с утра до вечера драки, вопли и брань. Королевство должно быть подобно большому хозяйству, где каждый делает свою работу уверенно и спокойно.

Он говорит Райсу:

– Стивен Гардинер советует мне написать книгу. Как, по-твоему, стоит? Может, я и напишу, когда уйду на покой. А до тех пор зачем выдавать свои секреты?

Он помнит, как читал книгу Макиавелли в страшные дни после смерти жены – книгу, которую сейчас все обсуждают, хотя мало кто из говорящих в нее заглядывал. Они все – он сам, Рейф и остальные домашние – не имели права выходить из дому, чтобы не разнести заразу. Перелистывая книгу, он сказал: нельзя просто взять опыт итальянских княжеств и приложить

к Уэльсу или к северной границе. Мы другие. Книга кажется ему почти пустой, в ней есть лишь отвлеченные понятия – добродетель, страх – да частные примеры низости или ошибочного расчета. Он мог бы, наверное, улучшить ее, но времени нет. При таком количестве дел только и успеваешь, что диктовать писцам, сидящим с перьями наготове: «Вверяю себя вашему покровительству... ваш преданный друг, ваш любящий друг, ваш друг Томас Кромвель». Государственному секретарю не положено жалованья. Обязанности определены нечетко, и это ему на руку: лорд-канцлер исполняет предписанную роль, секретарь может проверить дела любого ведомства. Ему пишут из всех графств: просят разобрать земельный спор или за кого-то вступить. Незнакомые люди шлют ему ябеды на соседей, монахи передают изменнические речи игуменов, священники доносят на епископов. Все секреты страны льются в его уши, а заботы королевского секретаря столь многочисленны, что важнейшие государственные документы, пергаменты и свитки, ждущие подписи и печати, приходится отодвигать на край стола. Просители шлют ему мускат и мальвазию, коней, дичь и золото, дары и подношения, талисманы и амулеты. Они хотят услуг, а за услуги принято платить. Так происходит с тех пор, как он в милости у короля. Он богат.

И ему, конечно, завидуют. Враги визнают, что могут, про его юность.

– Я побывал в Патни, – сообщил Гардинер. – Вернее, отправил туда человека. Там говорят: кто бы угадал, что Ножи-Точу заберется так высоко? Мы думали, его раньше повесят.

Его отец точил ножи. Люди, увидев младшего Кромвеля на улице, кричали: «Том, отнесешь отцу?» – и он, забирая тупой инструмент, говорил: «Не волнуйтесь, отец наточит».

– Хорошенько наточить нож – большое искусство, – сказал он Гардинеру.

– Вы убивали людей. Я знаю.

– Не в этой стране.

– Другие страны не в счет?

– Ни один европейский суд не признает виновным человека, который защищал свою жизнь.

– А вы спрашивали себя, почему вас хотят убить?

Он рассмеялся:

– Знаете, Стивен, в жизни много загадок, но как раз это – не загадка. Я всегда первый вставал, последний ложился, всегда был при деньгах. Меня любили девушки. Покажите мне гору – я уже на ней.

– Или шлюху, – пробормотал Стивен.

– Вы тоже были когда-то молодым. И что, уже показали королю свои разыскания?

– Король должен знать, кого взял к себе на службу.

Гардинер не договорил, потому что он, Кромвель, с улыбкой подошел ближе.

– Давайте, Стивен. Шлите своих людей. Не жалейте денег. Обшарьте всю Европу. Вы не узнаете ни об одном моем таланте, который не пригодился бы Англии. – Он вытащил из-за пазухи воображаемый нож, легко, без усилия, приставил Гардинеру к животу. – Стивен, разве я не умолял вас, снова и снова, помириться со мной? И разве вы не отказывались?

К чести Гардинера, тот не дрогнул, только чуть поежился и, подобрав епископскую мантию, отступил от призрачного ножа.

– Мальчишка, которого вы ранили в Патни, умер. Вы правильно сделали, что убежали. Его родные хотели отправить вас на виселицу. Ваш отец от них откупился.

– Что?! Уолтер? Уолтер за меня заплатил?

– Не очень много. У них были и другие дети.

– Все равно. – Он стоял, ошеломленный. Уолтер. Уолтер от них откупился. Уолтер, от которого он не получал ничего, кроме затрещин.

Гардинер рассмеялся:

– Вот видите. Я знаю о вашей жизни больше, чем вы сами.

Вечереет; он еще поработает за столом, затем отправится в кабинет почитать. Перед ним опись имущества Вустерского аббатства. Его люди ничего не упустили, в документе перечислено все, от грелки для рук до ступки для чеснока. Стихарь золотой парчи, фелонь переливчатого атласа с Агнцем Божиим из черного шелка, гребень слоновой кости, бронзовая лампа, три кожаные бутылки и серп, псалтири, требники, шесть лисьих капканов с колокольчиками, две тачки, некое количество лопат и мотыг, мощи святой Урсулы и ее одиннадцати тысяч дев, а также митра святого Освальда и столы на козлах, разборные.

Осенью 1535 года дом полон звуками: дети-певчие разучивают мотет, сбиваются, начинают снова. Мальчишеские голоса перекликаются на лестнице; ближе, в коридоре, собака скребет лапой пол. Звякают ссыпаемые в сундук золотые монеты. Журчит, приглушенная шпалерами, многоязыкая речь. Скрипят перья по бумаге. За стенами городские шумы: гудит толпа у ворот, от реки доносятся крики. В голове течет внутренний монолог. О Вулси Кромвель вспоминает в парадных покоях, эхо кардинальских шагов слышнее под высокими сводами. Дома он думает о своей жене Элизабет. Теперь она – неясное очертание, промельк платья в глубине коридора. В последнее утро ее жизни он вроде бы увидел, что она спускается за ним по лестнице, заметил краем глаза ее белый чепец и полуобернулся, чтобы сказать: «Иди досыпай», но там никого не было. Когда он вернулся вечером, у Лиз была подвязана челюсть, а в изголовье и в изножье кровати горели свечи.

Год спустя от той же болезни умерли его дочери. В Стипни есть запертая шкатулка, где он хранит их жемчужные и коралловые бусы, а также тетрадь Энн с латинскими упражнениями. А в кладовке, куда убирают рождественские театральные костюмы, до сих пор висят крылья из павлиньих перьев, сделанные для Грейс, когда та играла ангела. После представления она так в крыльях и ушла по лестнице в спальню. «Я прочту молитвы», – сказала она, ушла от него, завернувшись в перья, растаяла в полумраке.

А теперь на Остин-фрайарз ложится ночь. Лязгают засовы, щелкает ключ в замке, громыкает тяжелая цепь на задней калитке, гремит щеколда главных ворот. Дик Персер спускает с цепи сторожевых псов. Они бегут по саду и с ворчаньем укладываются под деревьями: голова на лапах, уши чутко подрагивают.

Когда дом затихает – когда весь его дом затихает, – на лестницу выходят мертвые.

Вечер. Анна-королева вызвала его к себе. Идти недалеко – во всех больших дворцах ему отведены комнаты рядом с королевскими покоем. Только подняться по лестнице. Трепетное пламя свечи играет на золотом ободке канделябра и новехоньком дублете Марка Смитона. В дублете – сам Марк, лицо скрыто темнотой.

Что привело Марка сюда? Музыкант разодет не хуже иного лорда, и лютни при нем нет. Где справедливость? Марк бездельничает и хорошеет день ото дня, а я делаю все за всех, и у меня с каждым днем больше седины и морщин.

Они друг друга недолюбливают, так что он думает пройти, ограничившись кивком, но Марк приосанивается и говорит с улыбкой:

– Здравствуйте, лорд Кромвель.

– Нет, нет, не лорд. Все тот же «мастер Кромвель».

– Ошибиться немудрено. Вы с ног до головы – истинный лорд. И конечно, король скоро сделает вас пэром королевства.

– Едва ли. Я нужен ему в палате общин.

– И все равно, – вкрадчиво продолжает Марк, – нехорошо, что король обходит милостями вас, а других награждает за куда меньшие заслуги. Скажите, правду ли говорят, что вы у себя дома обучаете музыкантов?

Полтора десятка мальчишек, спасенных из монастыря. Они учатся по книгам, упражняются с инструментами, набираются манер, за ужином развлекают гостей. Стреляют из лука, играют со саниелями, а самые маленькие скачут по двору на деревянных лошадках или бегают за ним и кричат: сэр, сэр, гляньте на меня, хотите, я пройду на руках?

– С ними веселее, – говорит он.

– Если захотите довести их мастерство до совершенства, вспомните обо мне.

– Хорошо, Марк.

Он думает: я и близко тебя к моим мальчикам не допущу.

– Королева сейчас в большом неудовольствии, – предупреждает Марк. – Как вы знаете, ее брат Рочфорд отправился во Францию с особым посольством, а сегодня прислал письмо: оказывается, при французском дворе все знают, что Екатерина в письмах уговаривает папу провозгласить мерзостную буллу об отлучении нашего государя от церкви. И это сулит Англии бесчисленные беды и горести.

Он кивает: да, да, да. Неужто Марк не может говорить короче? Он и без этого музыкантшишки знает, что такое отлучение.

– Королева сердится, – продолжает Марк. – Потому что теперь ясно, что Екатерина – изменница, и королева не понимает: почему мы ничего не делаем?

– Допустим, Марк, я объясню тебе почему; передашь ли ты мои слова королеве? Мне бы это сберегло час или два.

– Если бы вы доверили мне такое... – начинает юноша, видит его холодную усмешку, краснеет.

– Я бы доверил тебе разучить с певчими мотет. Хотя... – (задумчивый взгляд), – сдается мне, что ты в большой милости у королевы.

– Да, господин секретарь, надеюсь, что так. – Марк уже оправился от удара. – Нам, людям низкого рождения, монархи охотнее всего раскрывают душу.

– Что ж, скоро вы будете именоваться барон Смитон? Я первый вас поздравлю, даже если сам буду по-прежнему на черной работе в палате общин.

Небрежным взмахом руки Анна прогоняет фрейлин; они, сделав реверанс, выпархивают за дверь. Жена Джорджа Болейна мешкает. Анна говорит:

– Спасибо, леди Рочфорд, вы мне сегодня больше не нужны.

Остается только дурочка-карлица – спряталась за креслом королевы и выглядывает украдкой. Волосы у Анны распущены, на голове только маленькая шапочка в форме полумесяца, отделанная серебряной сеткой. Надо будет рассказать племянницам: они вечно пытаются его, что носит королева. Так она принимает короля: густые темные пряди можно видеть только супругу, да еще Кромвелю, ведь тот – сын ремесленника и, значит, не больше мальчишки Марка.

Она начинает в своей обычной манере, будто с середины фразы:

– Вы должны поехать. К ней. Тайно. Возьмите только самых необходимых слуг. Вот письмо моего брата Рочфорда. – Анна театральным жестом протягивает письмо, но в последний миг передумывает, отдергивает руку и со словами «Ой... нет» прячет письмо под себя. Может, помимо новостей, там хула в адрес Томаса Кромвеля? – Екатерина внушает мне сильнейшие подозрения, сильнейшие. Судя по всему, во Франции знают то, о чем мы лишь догадываемся. Может быть, ваши люди недостаточно бдительны? Милорд мой брат считает, что королева уговаривает императора вторгнуться в Англию, и посол Шапюи тоже. Его, кстати, надо выслать.

– Дело в том, – говорит он, – что мы не можем швыряться послами. Иначе мы вообще ничего не будем знать.

По правде сказать, он не боится Екатериныных интриг. Отношения между Францией и Священной Римской империей сейчас накалены до предела: если начнется война, императору станет не до Англии. Маятник качается туда-сюда, и сегодня все не так, как было неделю назад. Болейны немного отстают от времени и слишком уж стараются показать, что при дворе Валуа у них влиятельные союзники. Анна по-прежнему хочет выдать свою рыжую дочку за французского принца. В прежние годы его восхищала ее способность учиться на ошибках, сдавать назад, переигрывать, но когда она что-нибудь вобьет себе в голову, то становится упрямей Екатерины, прежней королевы. Джордж Болейн снова во Франции, снова пытается устроить этот брак, и все без толку. Зачем вообще существует Джордж Болейн? Этот вопрос он задает себе, а вслух говорит:

– Король не может пятнать свою честь дурным обращением с бывшей королевой. Если о чем-нибудь таком прослышат, ему будет неловко.

Анна смотрит скептически: какая такая неловкость? о чем вообще речь? В комнате полумрак. Карлица за креслом возится, хихикает, бормочет, разговаривает сама с собой. Анна, сидя на бархатных подушках, болтает ногой в бархатной домашней туфле, словно ребенок над ручьем.

– На месте Екатерины я бы тоже интриговала. Я бы не забыла. Я бы действовала, как она. – Тонкие губы недобро улыбаются, серебристый полумесяц на маленькой головке поблескивает в полутьме. – Понимаете, я знаю, что она думает. Пусть она испанка, но я могу поставить себя на ее место. Если бы Генрих меня бросил, я бы не сдалась. Я бы тоже требовала войны. – Королева задумчиво тянет себя за длинную прядь. – Так или иначе. Король думает, будто она больна. Она и ее дочь. То у них понос, то озноб, то зубы выпадают, то в носу хлюпает, всю ночь они блюют в тазик, весь день лежат-стонут, и все их недуги от Анны Болейн. Так что поезжайте, Кремюэль. Нагряньте без предупреждения, а потом расскажете мне, больна она или притворяется.

Это такая же кокетливая манерность, как и проскальзывающий по временам французский акцент: Анна якобы не в состоянии выговорить его имя. Дверь открывается, входит король. Он склоняется перед королем. Анна не встает с кресла и не делает реверанс.

– Я велела ему ехать, Генрих, – говорит она без всякого вступления.

– Да, Кромвель, пожалуйста. И расскажите нам, что там и как. Вы как никто видите людей насквозь. Когда император хочет меня укорить, он говорит, его тетка умирает от заброшенности, холода и стыда. Так вот, у нее есть слуги. Есть дрова.

– А что до стыда, – вставляет Анна, – она бы давно умерла, если бы стыдилась своей лжи.

– Ваше величество, – говорит он, – я отправлюсь на рассвете и завтра, если позволите, пришлю к вам Рейфа Сэдлера с перечнем дел на день.

Король стонет:

– Значит, мне никак не спастись от вашего длинного списка?

– Никак, сэр. Если я единожды дам вам передышку, вы будете вновь и вновь отсылать меня под разными предлогами. А до моего возвращения не могли бы вы... просто сидеть спокойно и ничего не предпринимать?

Анна как на иголках, будто письмо брата ее колет.

– Без вас я ничего делать не буду, – говорит Генрих. – Осторожно, дороги сейчас опасны. Я буду за вас молиться. Доброй ночи.

Он оглядывает комнату, примыкающую к спальне, однако Марка здесь нет, только стайка девиц и молодых дам. Мэри Шелтон, Джейн Сеймур и Элизабет, жена графа Вустерского. Кого не хватает?

– Где леди Рочфорд? – с улыбкой спрашивает он. – Не там ли за портьерой? – указывает пальцем туда, откуда вышел. – Думаю, будет укладываться. Так что вы, милые, уложите ее в постель, и у вас будет на шалости вся ночь.

Они хихикают. Леди Вустер качает пальцем:

– Девять часов, идет Гарри Норрис без штанов. Беги, Мэри Шелтон. Беги медленно-медленно.

– А от кого убегаете вы, леди Вустер?

– Томас Кромвель, так я вам и сказала. Разве может замужняя женщина ответить на подобный вопрос? – Она кокетливо гладит его по рукаву. – Мы все знаем, где мечтает спать Гарри Норрис. Мэри Шелтон для него – лишь грелка на время, а метит он куда выше. Он сам кому хочешь расскажет, что умирает от любви к королеве.

– Я сыграю в карты, – объявляет Джейн Сеймур. – Сама с собой, чтобы не наделать долгов. Господин секретарь, есть ли известия о леди Екатерине?

– Очень сожалею, но мне нечего вам рассказать.

Леди Вустер провожает его глазами. Она ровесница королевы, хороша собой, беспечна и расточительна, особенно сейчас, когда муж в отъезде. Он подозревает, что ему довольно кивнуть, и она тоже будет убегать медленно-медленно. С другой стороны, она графиня, а он – смиренный простолюдин. И обещал выехать до рассвета.

Они едут к Екатерине без шума и помпы, маленький отряд вооруженных людей. Воздух прозрачный, ледяной, бурая кочковатая земля вся в плотном инее, цапли взлетают над замерзшими озерцами. По краю неба ползут свинцово-серые облака с обманчиво нежным, розовым подбрюшьем; луна, ущербная, как подпиленная монета, плывет впереди всадников по бледному вечернему небу. Кристоф скачет рядом с господином, и чем дальше они забираются в глушь, тем больше ворчит.

– Говорят, король нарочно сослал Екатерину в эти края, чтобы та проплесневела до костей и умерла.

– У него и в мыслях такого не было. Кимболтон хоть старый замок, но очень хороший. У нее есть все, что нужно. Ее содержание обходится в четыре тысячи фунтов ежегодно.

Кристоф довольно долго молчит, потом объявляет:

– Да и вообще все испанцы *мерд*⁴.

– Смотри на дорогу, чтобы Дженни не наступила в яму. Обезножишь лошадь – домой будешь возвращаться на осле.

– И-а! – кричит Кристоф так громко, что другие всадники оборачиваются.

Дурачок, беззлобно говорит кто-то. Под темными кронами деревьев на исходе первого дня пути они затягивают песню – она согреет усталое сердце и прогонит лесных духов. Средний англичанин насквозь пропитан суевериями. Сейчас, под Новый год, чаще всего поют королевское «В кругу друзей забавы век будут мне по нраву» с различными изменениями. Изменения лишь самую чуточку скабрёзны, иначе ему пришлось бы одернуть спутников.

Трактирщик – тощий суетливый человечек, который тщетно пытается выведать, кто его гость. Жена трактирщика – громогласная молодая женщина с недовольным лицом. Он взял в поездку собственного повара. «Зачем, милорд? – возмущается она. – Думаете, мы вас отравим?» Слышно, как она ругается на кухне, объясняя, какие сковородки брать, а какие – нет.

Позже она заходит к нему в комнату и спрашивает: «Угодно что-нибудь еще?» Он отвечает, нет, но она возвращается: «Точно ничего не нужно?» – «Говори потише», – отвечает он. Уж на таком-то расстоянии от Лондона королевский викарий по делам церкви может немного ослабить бдительность? «Коли так, оставайся», – говорит он. Лучше эта горлопанка, чем леди Вустер, – меньше опасность, что пойдут разговоры.

Он просыпается до рассвета и не может понять, где очутился. В комнате темно, с первого этажа долетает женский голос; в первый миг ему кажется, что это орет его сестра Кэт и что

---

⁴ Дерьмо (*фр.*).

он дома накануне бегства от отца, а впереди – целая жизнь. Осторожно двигает рукой, потом ногой – ушибов и порезов нет – и тут наконец вспоминает, кто он и где он. Перекатывается в теплую ямку от женского тела и вновь задремывает, обхватив рукой подушку.

Вскоре с лестницы доносится пение трактирщицы. Двенадцать дев пошли гулять веселым майским днем. И ни одна не вернулась. Деньги, которые он ей оставил, она прибрала. Когда гости садятся на коней, она не улыбается ему, но говорит с ним, и говорит тихо. Кристоф с барским видом платит трактирщику за постой. День не такой морозный, они едут быстро и без приключений. От всей поездки по Центральной Англии у него останется лишь несколько ярких образов. Пламенеющие ягоды остролиста на темных кустах. Испуганный полет вальдшнепа, который вспорхнул с дороги чуть ли не из-под копыт. Чувство, что они въезжают во влажные края, где земля одного цвета с болотом и так же зыбка.

Кимболтон – оживленный ярмарочный город, однако в сумерках улицы пусты. Нельзя сказать, что они долетели сюда как ветер: незачем утомлять коней, когда дело важное, но не спешное. Екатерина умрет в свой час, их не спросит. К тому же ему полезно выбраться из Лондона. В узких городских улочках, труся на лошади или на муле под карнизами и балконами, под бедной холстиной неба, прорванной островерхими крышами, забываешь, какова она, Англия, как широки поля, как бескрайни небеса, как груб и невежествен народ. Они проезжают мимо придорожного креста, видят свежеразрытую землю. Один из телохранителей говорит:

– Люди думают, что монахи закапывают сокровища. Прячут от нашего хозяина.

– Прячут, конечно, – говорит он. – Но не под крестами. Не настолько они глупы.

На главной улице они останавливаются рядом с церковью.

– Зачем? – спрашивает Кристоф.

– Мне нужно получить благословение, – отвечает он.

– Вам нужно исповедаться, сэр, – говорит телохранитель.

Все улыбаются. Они не стали думать о нем хуже, просто немного завидуют. Он подметил: заочно его ненавидят все, из знающих – только некоторые. Мы могли бы заночевать в монастыре, посетовал вчера кто-то из слуг, да только там нет женщин.

Он обернулся в седле:

– Ты уверен?

Остальные загоготали.

В стылом пространстве церкви его спутники охлопывают себя по плечам, притопывают и говорят «бррр», словно плохие актеры.

– Свистнуть настоятелю? – предлагает Кристоф.

– Не вздумай! – Однако он ухмыляется, вспоминая себя молодого: он бы не только предложил, но и свистнул.

Впрочем, надобности в этом нет. Какой-то подозрительный служка уже заглядывает с фонарем. Без сомнения, кто-нибудь бежит к замку с известием: приехали важные господа, готовьтесь. Уместно предупредить Екатерину заранее, но не обязательно делать это явно и сообщать имена.

– Вообразите, – говорит Кристоф, – мы входим, а она усики выщипывает. Старухи все так делают.

Для Кристофа бывшая королева – старая карга. Он думает: а ведь Екатерина примерно моя сверстница. Однако к женщинам время немилосердней, особенно к тем, кому Бог дал много детей и почти всех забрал.

Робко подходит священник – тихонький старичок. Предлагает показать церковь и ее святыни.

– Вы, должно быть... – Он мысленно пробегает глазами список. – Уильям Лорд?

– Э... нет...

Какой-то другой Уильям. Следует долгое объяснение.

– Не важно, – обрывает он. – Лишь бы ваш епископ знал, кто вы такой.

Перед ними святой Эдмунд, человек с пятью сотнями пальцев; святой изящно тянет носок, как будто танцует.

– Поднимите-ка фонарь, – говорит он. – Там кто, русалка?

– Да, милорд. – Священник испуганно хмурится. – А что, нельзя? Надо убрать?

Он улыбается:

– Просто я подумал, что она далековато от моря.

– Рыбой разит! – хохочет Кристоф.

– Простите мальчишку. Он не поэт.

Священник несмело улыбается. На дубовой перегородке святая Анна наставляет по книге свою дочь Деву Марию; архангел Михаил рубит ятаганом дьявола, обвинившего ему ноги.

– Вы к королеве, сэр? Я хотел сказать, – поправляется священник, – к леди Екатерине?

Он думает: старик понятия не имеет, кто я. Какой-то королевский посланник. Может, Чарльз Брэндон, герцог Суффолк. Или Томас Говард, герцог Норфолк. Оба они в свое время испытали на Екатерине весь свой скудный арсенал убеждений и угроз.

Он не называет своего имени, но оставляет пожертвование. Священник держит деньги в руке, будто согревает.

– Вы простите мою оговорку, милорд? Когда я неверно назвал леди Екатерину? Клянусь, я не имел в виду ничего дурного. Здесь в глуши трудно уследить за всеми переменами. Пока мы уясним одно письмо из Лондона, приходит другое, и там все иначе.

– Нам всем непросто. – Он пожимает плечами. – Вы молитесь за королеву Анну каждое воскресенье?

– Конечно, милорд.

– И что на это говорят ваши прихожане?

– Поймите, сэр, они люди простые, – виновато говорит священник. – Я и не слушаю, что они говорят. – И тут же торопливо добавляет: – Но они все глубоко преданы королю. Глубоко преданы.

– Не сомневаюсь. Сделайте милость, помяните в это воскресенье усопшего Тома Вулси.

Покойного кардинала? По лицу священника видно, как ворочаются старческие мозги. Гость явно не Томас Говард и не Чарльз Брэндон; если при них упомянуть Вулси, они плюнут тебе под ноги.

Когда он выходит из церкви и садится на лошадь, уже темно, в воздухе плывут редкие снежинки. День был долгий, одежда тяжело давит на плечи. Он не верит, что мертвым нужны наши молитвы, однако всякий, читавший Библию, как он, знает: наш Бог – своенравный Бог. Всегда невинно подстелить соломки. Когда с дороги ярким всполохом взмыл вальдшнеп, сердце на миг оборвалось и застучало сильнее. Птица упорхнула в лес, сделалась серой, а он ощущал каждый удар в груди, как взмах крыльев.

Они подъезжают к воротам в полутьме. Окрик со стены, громкий ответ Кристофа:

– Томас Кремюэль, государственный секретарь и начальник королевских архивов!

– Почем нам знать, кто вы? – орет часовая. – Предъявите грамоту!

– Скажи, пусть отворяет, – говорит он, – или я предъявлю свой башмак его заду.

Здесь, в глуши, церемониться не следует: от него, королевского советника-простолюдина, ждут грубости.

Опускают подъемный мост, гремят древние засовы и цепи. В Кимболтоне запираются рано, молодцы.

– Не повторяйте ошибку священника, – говорит он спутникам. – Во всех разговорах со здешней челядью Екатерина для вас – вдовствующая принцесса Уэльская.

– Кто? – удивляется Кристоф.

– Она не жена короля. Никогда ею не была. Она – супруга усопшего королевского брата Артура, принца Уэльского.

– Слово «усопший» я знаю, – говорит Кристоф. – Оно значит «мертвый».

– Она не королева и не бывшая королева, поскольку ее второй так называемый брак противоправен.

– Она имела глупость переспать сперва с одним братом, Артуром, потом с другим, Генрихом, а это не по закону, – расшифровывает мальчишка.

– И как нам называть такую женщину? – улыбается он.

Появляются факелы, из темноты выступает сэр Эдмунд Бедингфилд, тюремщик Екатерины:

– Могли бы нас предупредить, Кромвель.

– А вот Грейс не в обиде, что я внезапно, ведь правда? – Он целует леди Бедингфилд. – Я не привез с собой ужина, но завтра подоспеет мул с повозкой. Там дичь для вашего стола, а для королевы – миндаль и сладкое вино, которое она, по словам Шапюи, любит.

– Я рада всему, что может пробудить ее аппетит. – Грейс Бедингфилд ведет гостя в большой зал, у камина поворачивается к нему. – Врач подозревает, что у нее в животе опухоль, но это может оказаться надолго. Как будто она без того мало настрадалась, бедняжка.

Он отдает перчатки и плащ Кристофу.

– Вы сразу пойдете засвидетельствовать ей почтение? – спрашивает Бедингфилд. – Мы-то вас не ждали, а она, может, и ждет. Нам непросто: в городе ее любят, так что она многое узнает через слуг, и мы ничего с этим поделать не можем. Я подозреваю, горожане подают сигналы из-за рва, так что ей известно, кто подъезжает.

Две престарелые дамы в испанском платье вжались в стену и смотрят на него осуждающе. Он кланяется им, и одна на родном языке говорит другой: «Вот человек, который продал душу короля Англии». На стене за ними поблекшая фреска: Адам и Ева рука об руку идут среди зверей, пока еще безымянных. Из листвы робко выглядывает пучеглазый слоник. Он никогда не видел слонов, но по книгам те гораздо больше лошади; может, этот еще не успел вырасти. Ветки дерева гнутся под тяжестью райских плодов.

– Порядок вам известен, – продолжает Бедингфилд. – Она живет в своих покоях, ее женщины – вот эти две – там же ей и готовят. Вы стучите и входите. Если говорите ей «леди Екатерина», она выставляет вас вон, если «ваше высочество» – разрешает остаться. Так что я никак ее не называю, словно она – безымянная поломойка.

Екатерина сидит у огня, кутаясь в очень хороший горностаевый плащ. Король захочет после ее смерти забрать меха, думает он. Она протягивает руку для поцелуя, неохотно, но это скорее от холода, чем от неприязни к гостю. Кожа желтая, и в комнате тяжелая духота: слабый звериный запах мехов, торфяной душок колодезной воды, рвотная вонь от таза, который торопливо унесла служанка. Возможно, по ночам вдовствующей принцессе снятся сады Альгамбры, где она выросла: мраморные мостовые, журчание прозрачной воды в фонтанах, белые павлины, волочащие по земле хвосты, аромат лимонов. Надо было привезти в седельной сумке лимон.

Словно читая его мысли, она заговаривает по-кастильски:

– Мастер Кромвель, давайте отбросим утомительное притворство, будто вы не знаете моего языка.

Он кивает:

– Тяжело бывало стоять, пока ваши служанки меня обсуждают. «Господи, что за урод, у него небось и тело волосатое, как у дьявола».

– Мои служанки так говорили? – Екатерина улыбается уголками губ, прячет руку под плащ. – Где они теперь, те бойкие девушки? Только старухи остались да записные предательницы.

– Мадам, все ваше окружение вас любит.

– Они доносят на меня. Передают каждое мое слово. Даже подслушивают мои молитвы. Что ж, сударь. – Она поднимает лицо к свету. – Как, по-вашему, я выгляжу? Что вы ответите королю на его расспросы? Я не видела себя в зеркале много месяцев. – Она похлопывает по горностаевому плащу, натягивает его на уши. Смеется. – Король называл меня ангелом. Называл прекрасным цветком. Мой первый сын родился в середине зимы, когда вся Англия была засыпана снегом. Я думала, цветов не будет, но Генрих прислал мне розы – шесть дюжин белых шелковых роз. «Они белые, как твоя рука, любовь моя», – сказал он, целуя мои пальцы.

Горностаевые складки шевелятся, и понятно, что рука под ними сжимается в кулак.

– Я храню их в сундуке. Они, по крайней мере, не увядают. Я дарила их по одной тем, кто был ко мне добр. – Губы шевелятся: безмолвная молитва по усопшим. – Расскажите мне, как нынче поживает дочка Болейна? Говорят, она много молится своему реформированному Богу.

– Она известна своей набожностью. Епископы и богословы ее поддерживают.

– Они ее используют. А она – их. Будь они настоящие служители церкви, бежали бы от нее, как от язычницы. Однако, полагаю, она молится о сыне. Мне сказали, она потеряла ребенка. Я знаю, что это такое, и сочувствую ей от всего сердца.

– Они с королем надеются, что скоро будет еще ребенок.

– Вообще надеются? Или уже есть основания для надежды?

Он медлит. Ничего определенного пока не объявляли, а Грегори мог ошибиться.

– Я думала, она вам сказала по секрету. – Екатерина пытливо всматривается в его лицо: нет ли тени отчуждения. – Говорят, Генрих волочится за ее фрейлинами. – Пальцы гладят мех, рассеянно, круг за кругом. – Как быстро. Они ведь женаты совсем недолго. Наверное, она смотрит вокруг, на своих женщин, и все время спрашивает себя: вы, мадам? или вы? Меня всегда удивляло, что те, у кого нет совести, слепо доверяют другим. Ла Ана думает, у нее есть друзья. Однако, если она в ближайшее время не родит королю сына, от нее все отвернутся.

Он кивает:

– Возможно, вы правы. Кто отвернется первым?

– Зачем мне ее предупреждать? – сухо спрашивает Екатерина. – Говорят, в злобе она бранится, как сварливая баба. Немудрено. Королева – а она зовет себя королевой – живет и страдает на глазах у всех. Из женщин над ней одна Царица Небесная, и не к кому обратиться за сочувствием, так что приходится страдать в одиночку. Чтобы снести это, нужна особая твердость духа, и дочь Болейна, сдается, этой твердости лишена.

Екатерина умолкает и сжимается, словно хочет вылезти из одежды. «Вам больно?» – хочет спросить он, но она лишь отмахивается: пустяки, пустяки.

– Королевские джентльмены, которые сегодня клянутся, что отдадут жизнь за ее улыбку, завтра будут обожать другую. Когда-то они обожали меня. Ко мне это отношения не имело и объяснялось лишь тем, что я – жена короля. Однако Ла Ана приписывает свой успех собственным чарам. И к тому же ей следует опасаться не только мужчин. Джейн Рочфорд, жена ее брата, очень наблюдательна... в бытность моей фрейлиной она частенько рассказывала мне секреты, любовные секреты, которые я предпочла бы не знать. Едва ли время притупило ее зрение и слух. – Пальцы по-прежнему движутся, трут место под ложечкой. – Вы удивляетесь, откуда Екатерина в ссылке знает, что происходит при дворе? Поразмыслите на досуге.

Мне незачем долго гадать, думает он. Жена Николаса Кэрю ваша сердечная подруга. И Гертруда Куртенэ, жена маркиза Эксетерского; в прошлом году я поймал ее на участии в заговоре и напрасно не заточил в Тауэр. Возможно, даже крошка Джейн Сеймур, хотя у Джейн после Вулфхолла появился собственный интерес.

– Я знаю, что у вас есть источники, – говорит он, – но стоит ли им верить? Они действуют от вашего имени, но не в ваших интересах. И не в интересах вашей дочери.

– Вы разрешите принцессе ко мне приехать? Если вы считаете, что ей нужно присоветовать более разумное поведение, кто справится с этим лучше меня?

– Если бы решал я...

– Чем она может навредить королю?

– Поставьте себя на его место. Насколько я знаю, ваш посол Шапюи написал леди Марии, что может вывезти ее из Англии.

– Неправда! Шапюи не стал бы так делать, я ручаюсь за него жизнью.

– Король опасается, что Мария подкупит стражу и, если отпустить ее в путешествие, сбежит на корабле во владения своего двоюродного брата императора.

Он едва сдерживает улыбку при мысли, что худенькая, запуганная девочка пускается в такое дерзкое предприятие. Екатерина тоже улыбается, криво, со злостью:

– И что дальше? Генрих думает, что моя дочь прискачет назад с мужем-иноземцем и свергнет отца? Убедите его, что у принцессы нет подобных намерений. За нее я тоже ручаюсь жизнью.

– Уж слишком за многих вы ручаетесь жизнью, мадам, хотя умереть можете лишь раз.

– Я бы хотела умереть так, чтобы Генрих, когда придет его срок, мог взять с меня пример.

– Ясно. Вы много думаете о смерти короля?

– Я думаю о его будущей жизни.

– Если вы заботитесь о его душе, то почему все время чините ему препоны? От этого он лучше не становится. Вам никогда не приходило в голову, что Генрих не порвал бы с Римом, если бы вы ушли в монастырь и дали ему возможность жениться во второй раз? Законность вашего брака была поставлена под сомнение; вы могли добровольно принять постриг и сохранить всеобщее уважение. А теперь титулы, за которые вы цепляетесь, пустой звук. Генрих был добрым сыном католической церкви. Вы довели его до крайности, вы, не он, раскололи христианский мир. И я уверен, что вы это знаете не хуже меня. Что по ночам вас терзает совесть.

Молчание, покуда Екатерина перелистывает фолиант своего гнева, ища в нем точное слово.

– Кромвель, то, что вы сказали... омерзительно.

Возможно, она права, думает он. Однако я буду и дальше раскрывать ей глаза, заставляю трезво и безжалостно заглянуть в собственное сердце. Это нужно ради ее дочери. Мария – будущее. Единственный взрослый ребенок короля, единственная надежда Англии, если Господь призовет Генриха к себе и трон опустеет.

– Значит, вы не подарите мне шелковую розу. Жаль.

Долгий взгляд.

– По крайней мере в качестве врага вы на виду. Моим бы друзьям такую откровенность. Англичане – нация лицемеров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.